

**СЛОВАРЬ
И
КУЛЬТУРА**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

СЛОВАРЬ И КУЛЬТУРА

**К столетию с начала публикации
«Словаря болгарского языка» Н. Герова**

*Материалы международной научной конференции
(Москва, ноябрь 1995 г.)*

**Москва
1995**

Оргкомитет конференции:

**А. Ф. Журавлев (председатель), Г. К. Венедиктов,
Е. И. Демина, В. С. Ефимова (ученый секретарь),
Л. Н. Смирнов, С. М. Толстая**

**Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда**

ISBN 5-7576-0017-9

**© Институт славяноведения
и балканистики РАН**

Найден Геров
20 февраля 1823 г. – 9 октября 1990 г.

І. РАЗВИТИЕ СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ. НАЙДЕН ГЕРОВ И БОЛГАРСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Г. К. Венедиктов (Москва)

О НАЙДЕНЕ ГЕРОВЕ И ЕГО "СЛОВАРЕ БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА"

Найден Геров (1823–1900) – выдающийся деятель эпохи Возрождения Болгарии, внесший большой вклад в формирование и развитие многих областей национальной культуры болгар. Один из активных участников движения против греческого засилья в школе и церкви, он сыграл большую роль в развитии национальной школы и как учитель, и как общественный деятель. По его инициативе 11 мая 1851 г. в Пловдиве впервые был отмечен день славянских первоучителей Кирилла и Мефодия как светский день болгарской и славянской культуры. Своей поэмой "Стоян и Рада" (1845) – первой поэмой в новой болгарской литературе – Н. Геров показал пригодность болгарского языка для стихотворчества. Русский воспитанник (окончил в 1845 г. Ришельевский лицей в Одессе), Н. Геров был деятельным сторонником развития разносторонних болгарско-русских связей. Будучи русским вице-консулом в Пловдиве (с 1857 г.) и Константинополе (с 1876 г.), Н. Геров проводил широкую общественную деятельность по защите своих соотечественников от насилия османских властей. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг., принесшей его родине освобождение от многовекового османского владычества, Н. Геров был прикомандирован к штабу русских войск и назначен губернатором Свиштовского края.

Особое место в разносторонней деятельности Н. Герова занимают его труды, посвященные родному языку. Это тема, которая занимала его с начала 40-х годов, когда вышла в свет его первая брошюра, и до конца его жизни. Н. Геров был одним из наиболее активных участников широкого движения за скорейшее создание нового литературного языка на народной основе, оставаясь все время, однако, приверженцем консервативной системы графики и орфографии.

Литературно-языковая деятельность Н. Герова началась и в значительной своей части протекала в период становления у болгар нового литературного языка. Существенной особенностью этого периода (20–70-е годы XIX в.) было значительное разнообразие типов его конкретных реализаций, отражавших подход отдельных книжников той поры к его устройству. В целом у болгар в литературно-письменной практике в этот период царил значительный грамматический разнобой, графическая и орфографическая пестрота. При таком состоянии литературного языка его нормализация, т. е. установление единых правил, стала одной из первоочередных национально-культурных задач возрождавшейся нации. Наиболее дальновидные и патриотически настроенные деятели Возрождения быстро осознали, что без создания единого общеполитического литературного языка развитие просвещения, литературы и других областей формировавшейся национальной культуры, как и упрочение национального единства народа невозможно. Одной из необходимых предпосылок создания такого языка справедливо считалось составление общей для всех болгар грамматики и словаря родного языка. При этом словарь рассматривался не только как просто собрание слов, но и как словарная сокровищница народной речи, отражающей духовную и материальную культуру народа, без знания и сохранения которой судьба болгар как самостоятельного славянского народа в условиях тяжелейшего турецкого общественно-политического и греческого духовного господства внушала серьезные опасения. Вот почему составление словаря расценивалось многими как настоятельная национально-культурная патриотическая задача.

В такой именно атмосфере подчеркнутого внимания образованных болгар к составлению словаря родного языка как одной из первоочередных национально-культурных задач создавался и "Словарь болгарского языка" Н. Герова. К мысли составить словарь родного языка Н. Геров пришел еще в годы студенчества. Начав сбор материалов в середине 40-х годов, он отдал работе над "Словарем" более полувека своей жизни. Первой его лексикографической пробой были несколько выпусков (листов) опубликованного в Петербурге в 1856 г. "Болгарского словаря", в подготовке и издании которого деятельное участие принял И. И. Срезневский. Собрав и обработав огромный словарный материал, сам Н. Геров не дождался выхода в свет всех томов своего труда. Он скончался, готовя к изданию третий том

“Словаря”. Остальная завершающая работа была проделана его племянником, учителем Т. Панчевым, который составил и издал также дополнительный том к “Словарю” Н. Герова.

“Словарь болгарского языка” (тт. I-V, Пловдив, 1895–1904; дополнительный том – Пловдив, 1908) – итог настойчивого и целеустремленного многолетнего труда Н. Герова. В его пяти томах содержится 67358, а вместе с дополнениями Т. Панчева – 78620 заглавных слов. К ним в качестве иллюстративных примеров приведено разных выражений – около 32000, отрывков из народных песен – 5975, “других выражений, составляющих особенность болгарского языка”, – около 43000, пословиц – около 15500 и других словарных и фольклорных материалов (все подсчеты Т. Панчева). “Словарь” Н. Герова, следовательно, богатейшая сокровищница словарного богатства болгарского народного языка XIX в. ✓

“Словарь” Н. Герова начал выходить в самом конце XIX в., когда в Болгарии уже отшумели острые споры по вопросу о самой основе нового литературного языка, утвердилась на практике его восточноболгарская диалектная основа с соответствующими фонетическими и грамматическими особенностями и когда в повестке дня уже стоял вопрос об официальной кодификации сложившихся к тому времени норм современного литературного языка. Очевидно поэтому “Словарь” Н. Герова в истории современного литературного языка не может рассматриваться ни как нормотворческий, ни как нормоутверждающий труд, поскольку отраженные в нем отдельные представления его автора о звуковом строе и грамматической структуре для литературного языка конца прошлого столетия были уже устаревшими. Безнадёжно устаревшим и уже преодоленным воспринималось тогда же и закрепленное в “Словаре” правописание, которое – в силу своей архаичности и необычности – серьезно затрудняло тогдашнего читателя, как затрудняет оно и современного читателя, в пользовании словарем (в поиске слов).

“Словарь” Н. Герова – это словарь живого народного болгарского языка, в котором автор хотел представить “болгарский язык таким, каков он в народе, и только с теми иноязычными словами, какие употребляет народ” (Н. Геров). Сам Н. Геров характеризовал свой “Словарь” как “памятник, по которому можно видеть, каким был болгарский язык в народе до начала новой болгарской литературы”. “Словарь” содержит, как подчеркивает Н. Геров, только те слова, которые он слышал из уст

народа или почерпнул из пословиц, песен и других произведений народной словесности. Слова книжного происхождения (“из книг, которые теперь у нас есть”) в нем в принципе отсутствуют, за исключением небольшого числа таких, о которых, как некоторые полагают, можно сказать, что они тоже могли быть услышаны им из уст народа. Следуя указанному принципу, Н. Геров включил в “Словарь” большое число турцизмов, широко употреблявшихся в народном языке.

Важно также иметь в виду, что “Словарь” Н. Герова включает лексику не одного какого-то болгарского диалекта (ср. “Сербский словарь” Вука Караджича), а лексику разных диалектов и отражает, таким образом, словарный состав по крайней мере значительной части народной речи из разных областей болгароязычной территории. Этим объясняется, в частности, и наличие в “Словаре” довольно богатой синонимии, включающей немало и узкодиалектных слов.

“Словарь” Н. Герова – словарь толковый, значения слов в котором имеют описательные толкования, поясняются синонимическими соответствиями или комбинацией данных способов. Многие слова и их значения иллюстрируются богатыми фольклорными и этнографическими материалами. Это первый в болгарской лексикографии толковый словарь, подготовленный и изданный болгариним и доведенный изданием до конца. Вместе с тем “Словарь” Н. Герова не только толковый, но и самый большой для своего времени по объему болгарско-русский словарь, поскольку в нем даны и русские лексические соответствия болгарским словам.

Приметная лексикографическая особенность “Словаря” – отсутствие сведений о территориально-диалектной принадлежности слов и иллюстративного материала, что современниками Н. Герова и некоторыми нынешними его читателями и исследователями обычно расценивается как существенный недостаток. Нельзя сказать, что такими сведениями Н. Геров не располагал или не придавал им никакого значения и потому не оградил в словаре; нет и оснований полагать, что местные фонетические и морфологические особенности народной речи его вообще не интересовали. Принятая же в “Словаре” унификация в передаче слов, различающихся по диалектам фонетическими, акцентными, морфологическими и другими особенностями, отражает в значительной мере его собственные представления о том, каким должен быть звуковой строй, акцентная и грамматическая

структура, а также правописание литературного языка.

Сто лет, истекшие со времени выхода в свет 1-го тома "Словаря" Н. Герова, показали, что, несмотря на очевидные слабости и недостатки, этот замечательный труд подвижника болгарской национальной культуры оказался настольной книгой, питавшей творческую деятельность писателей и лингвистов, представителей других творческих профессий; он был настольной книгой большого числа просто любителей народного слова, радетелей за чистоту и богатство родного языка. Свидетельством неосыкаемого интереса к "Словарю" служит и его фототипическое переиздание, осуществленное в 70-е годы бывшим Союзом болгарских писателей. "В настоящее время, — писал проф. Л. Андрейчин, — словарь Н. Герова для нас ценен именно своим огромным языковым богатством, которое и практически, и теоретически, и творчески может быть использовано в нашей современной культурной и книжно-литературной жизни, в нашем языковом строительстве и художественном творчестве. И вглядываясь и вчитываясь теперь в этот словарь, мы открываем неподозреваемые богатства и образцы многовекового языкового творчества болгар". Это богатство привлекало и привлекает внимание многих исследователей, но безграничные ресурсы его еще далеко не исчерпаны, так что "Словарь болгарского языка" Н. Герова еще долгое время будет источником многих разноаспектных научных трудов.

СЛОВАРЬ Н. ГЕРОВА КАК ЯВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ

В истории славянской лексикографии особое место занимают словари первой волны – труды, тесно связанные с духовным и культурным возрождением славянских народов. Создание словарей, репрезентировавших в новое время богатство славянских языков (сербского языка – словарь В. Караджича, польского – С. Б. Линде, позже – Я. Карловича, чешского – Й. Юнгмана, русского – В. Даля, хорватского – Ф. Ивековича и Й. Броза, белорусского – И. Носовича, украинского – Е. Желеховского, С. Недельского, позже – Б. Гринченко, болгарского – А. Дювернуа, позже – Н. Герова), формировало лексические базы данных соответствующих языков, закладывало основы национальных лексикографических традиций или развивало уже существовавшие традиции старого времени. Одновременно эти словари репрезентировали язык и этнос за пределами их непосредственного распространения, зачастую являясь единственным надежным источником информации о языке и культуре этого народа.

Подготовка словарей стимулировала решение многих важных лингвистических проблем, как связанных непосредственно с создаваемыми лексикографическими трудами, так и выходящих за рамки этих научных программ. Непосредственно с подготовкой словаря связана проблема типа словаря (словарь *народного* языка или *книжного*; *общенародного* языка или *региональный*, ориентированный на частную культурно-языковую зону; отражающий только современное состояние языка или охватывающий и его прошлое), что определяло круг источников, частично и характер словарных статей. При создании словарей вставал также вопрос об упорядочении или реформировании ранее существовавшего правописания. В словарях зачастую были реализованы авторские концепции орфографии, влиявшие, благодаря популярности самих словарей, на становление правописания (иногда свод правописных правил издавался вместе со словарем, предворяя, как одно из предисловий, текст

самого словаря). В дальнейшем эти опыты использовались как база для усовершенствования орфографии, или же служили отправной точкой при кардинальном ее реформировании. Поэтому закономерно, что в истории правописания многих славянских языков как важный этап выделяются орфографические системы, непосредственно связанные с этими словарями. С лексикографическими трудами, особенно ориентированными на *народный* язык, связана также и актуализация диалектологических исследований. При формировании лексической базы составители словарей сталкивались с диалектным многообразием языка, что обуславливало необходимость осмысления сущности ареальных отличий в языке, определения единиц диалектного членения. Не менее актуальной была проблема отбора тех языковых средств, которые с помощью словаря становились нормативными.

Таким образом, подготовка словарей *первой волны* выходила далеко за пределы лишь формирования исходной базы лексического материала и его дальнейшего представления в виде словарных статей; в сущности это была многоаспектная научная деятельность, в которой воедино слились лексикографическая обработка материала и решение проблем орфографии, нормирования литературного идиома, диалектография, нередко – и подготовка описательных грамматик. И в каждом из направлений приходилось принимать решения, зачастую нетрадиционные для своего времени. Если же учесть, что подготовка таких трудов не только составляла смысл жизни их авторов, но также в большинстве случаев становилась катализатором культурно-просветительского движения в славянских землях, то *этапность* этих словарей в развитии лингвистической мысли и культуры в целом становится очевидной.

Сказанное в полной мере относится и к этапному в развитии болгарской лексикографии труду *Ръчникъ на българскый языкъ* Найдена Герова (с участием Теодора Панчева), и к его автору – будителю эпохи болгарского возрождения. По обилию впервые представленного языкового материала этот словарь является одним из первых в славистике. Исходная установка автора на создание полного по идеографии и охвату языковой территории словаря народного языка при всем своем романтизме и несбыточности в конечном итоге оказалась весьма плодотворной, т. к. придала многолетней работе целенаправленность. Главным источником для своего Словаря Н. Геров определил живую, непо-

средственно наблюдаемую и фиксируемую речь, что позволило представить богатое словотворчество болгар II пол. XIX в. не только на уровне словника, но и синонимических отношений лексем, множества междиалектных эквивалентов, синтагматических связей, характерных прежде всего для устной речи, различных форм и жанров фольклора.

Ориентация на отражение в Словаре общенародного языка обусловила его надрегиональный характер, хотя, естественно, в этом труде не могла быть обеспечена равномерность представления лексики всех диалектов. При всем подвижническом характере труда Н. Герова по созданию Словаря его лексикографическая максима (представить *все из всех регионов* Болгарии) не могла быть осуществлена усилиями одного человека. Со временем сам автор отмечал: "За да се съберат *всичките речи устата на народа*, трябва да се работи още много време, па и *не е това работа само за един човек*", отсюда – его обращение к читателям о присылке для дополнения недостающих в Словаре слов и изречений. Критические замечания о полноте словника – свидетельство объективности самооценок автора, его приверженности идее *полного* словаря. Заметим, что Н. Герову все же удалось настолько широко отразить словарный запас болгарского языка, что проведенные выборки по многим тематическим группам оставляют впечатление исчерпывающей представленности лексики (это относится, например, к наименованиям растений; географической терминологии; лексики, связанной с земледелием; обрядовой терминологии; наименованиям родства и свойства). Не случайно Словарь до сих пор служит одним из надежных источников материала при исследовании словарного состава славянских языков, явлений культуры, отраженных в лексике, при изучении межславянских связей и отношений. Одновременно этот словарь (как и другие словари *первой волны*) является источником информации при моделировании картины мира, отраженной в языковом сознании болгарского интеллигента II пол. XIX в. За исключением единичных случаев в Словаре отсутствует ареальная привязка материала, как следствие – не проведено разграничение междиалектных соответствий и синонимов (для последних необходима принадлежность к одному функционирующему идиому). Атопизм представленного в Словаре материала, очевидно, отражает исходную установку автора на создание именно *общebolгарского* словаря.

Работа над Словарем поставила Н. Герова перед необходимостью решать вопросы правописания, кодификации болгарского литературного языка, вовлекла в культурно-просветительскую деятельность, тем самым еще теснее увязав сам Словарь как явление филологическое и общекультурное с болгарским национальным возрождением.

А. А. Плотникова (Москва)

СЛАВЯНСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ И СЛОВАРЬ Н. ГЕРОВА

XIX век для истории, культуры и языка славянских народов – важная эпоха становления и формирования литературных языков. В этом процессе огромное значение имеет появление обобщающих лингвистических трудов двух типов: грамматики и словаря национального языка. Причем словарь в данном случае играет первостепенную роль для пробуждения этнического самосознания народа, так как охватывает не только сферу языка, но и культуры. Он аккумулирует широкие пласты лексики разных общественных слоев и регионов, содержит бесценные сведения о неразрывно связанной с языком народной культуре и даже объединяет вокруг себя прогрессивно настроенные слои общества. Эти черты лингвистических словарей периода становления (возрождения) славянских литературных языков позволяют определить такие словари как труды общенационального масштаба, пользующиеся авторитетом и в более позднюю эпоху развития языка и культуры народа. Словарь общенационального масштаба (далее – ОМ) является как отражением основных процессов в становлении литературных языков, так и важным фактором, влияющим на эти процессы. Интерес к национальной культуре, связанный сначала с романтизмом и углубившийся затем вместе с развитием этнографии, диалектологии, фольклора и других смежных наук, обусловил этнолингвистическое содержание целого ряда словарей ОМ.

Эмпирически этнолингвистический подход лексикографов XIX в. был неоднороден в разных славянских традициях и находился в сильнейшей зависимости от самих условий становления литературных языков. Общей чертой при создании отдельных славянских лингвистических словарей ОМ в эпоху формирования литературного языка было стремление к накоплению национально-самобытной лексики. Но термин “национально-самобытная лексика” имеет различное содержание для разных славянских традиций. Такие ранние славянские словари

национального языка, как "Словарь Академии Российской" (1789–1794), "Словарь польского языка" С. Б. Линде (1806–1814), "Чешско-немецкий словарь" Й. Юнгмана (1834–1839) содержат лексику письменных источников и лишь незначительно охватывают диалектную лексику. С другой стороны, "Сербский словарь" В. Караджича 1818 г. создан на базе лексики одного диалекта штокавского диалектного массива, что явилось не только революционным актом для становления сербохорватского литературного языка, но и подлинным открытием в славянской лексикографии начала XIX в. Грандиозный тезаурус "Словарь хорватского или сербского языка", начатый Дж. Даничичем в 1861 г. и затем создаваемый в течение целого столетия, продолжил лексикографическую традицию Караджича. Авторитетнейший "Толковый словарь живого великорусского языка" В. И. Даля (1863–1866) вопреки существующей русской традиции основан на материале диалектной лексики; впоследствии А. А. Шахматов (приняв в 1895 г. редакцию академического "Словаря русского языка") уже на более высоком научном уровне удачно осуществляет идею создания общего словаря, объединяющего лексику литературных произведений с диалектной. "Словарь болгарского языка" Н. Герова (1895–1904), хотя и не порывает со старославянизмами, в основе своей опирается на народный язык в его диалектном разнообразии. Обращение к диалектной лексике как отражающей особенные черты национальной культуры характерно для словарей ОМ, созданных в период становления таких литературных языков, как украинский, белорусский, нижнелужицкий. В этих словарях собрание национально-самобытной лексики, воплощением которой стала диалектная лексика, тесно связано с ее фольклорно-этнографической базой и открывает широкие возможности для включения в словарь фольклорных текстов, описаний материальной и, тем более, духовной культуры (из области бытующих в сельской среде верований, обрядности, суеверий, мифологических образов и т. п.).

Словарь Н. Герова, воплотивший характерный для XIX в. эмпирически этнолингвистический подход к языковым фактам, знаменовал важный этап в формировании болгарской лексикографии и развитии болгарского литературного языка. Сохранение древнеславянской (церковнославянской) традиции, как пишет Н. И. Толстой, свойственно болгарскому языку в неполной мере; ощутима близость болгарского языка к диалектной базе, связь с

устным народным творчеством и языком фольклора. Эти типологические особенности литературного языка сказались на структуре и содержании "Словаря болгарского языка" Н. Герова, имеющего характерные общие черты с другими славянскими словарями ОМ. Элементы книжного языка соседствуют в нем с живой речью болгар разных регионов. Причем географические пометы автором снимаются, что представляет собой типичный прием в славянских словарях ОМ. Этим приемом достигается главная цель и назначение словаря такого типа: объединить лексическое богатство этноса как единого целого. Словарь включает диалектные слова и ряд книжных с равным правом на их принадлежность общеполгарскому языку, при унификации фонетических и морфологических моделей. При этом примеры словоупотребления (там, где они есть) отражают повседневную разговорную речь народа, включают произведения устного народного творчества: песни, пословицы, загадки. Различные способы толкования слов используются в зависимости от типа и особенностей соответствующей реалии. Как и для многих словарей периода становления литературного языка обязателен здесь синонимический ряд при толковании заглавного слова, подробное описание предметов утвари, обрядов, обычаев и ритуалов, поверий и народных мифологических представлений. Отдавая дань традиции гомогенного двуязычия, автор вводит русский перевод болгарских слов. Л. Стоичкова, отмечая в этом труде совмещение признаков многих типов словарей (толкового, диалектного, синонимического, специального этнографического и т. д.), оценивает его и как сборник фольклорного материала, расположенного по тематическим гнездам при соответствующих заглавных словах.

Из лексики духовной культуры народа наиболее полно представлены термины, относящиеся к обрядности и обычаям. В качестве заголовков обширных словарных статей, как правило, выступают хрононимы, например: **бабинъ день**, **благовітъ**, **богоявление**, **бъдний вечеръ**, **былѣберъ**. Эти и другие статьи, описывающие календарную, семейную обрядность, а также обычаи, связанные с сельскохозяйственными работами, представляют собой энциклопедические статьи этнографического содержания. В них обычно дается собирательный вариант обряда; иногда в текст статьи, наряду с общими сведениями об обряде, вводятся описания его региональных вариантов (в этих случаях встречаются географические пометы). Демонологическая лексика

интерпретируется в словаре в несколько меньшем объеме, нежели обрядовая: отсутствует, как правило, описание внешнего вида мифологического персонажа, но имеются указания на место пребывания, функции, календарную приуроченность его появления.

Словарь Н. Герова, как и другие словари "новых" и "средних" литературных языков (по классификации Н. И. Толстого), создан на диалектной основе и опирается на широкую фольклорно-этнографическую базу, что сказывается на всех звеньях построения словаря (словник, толкования, иллюстрации).

БЪЛГАРСКАТА ВЪЗРОЖДЕНСКА ЛЕКСИКОГРАФИЯ И НЕЙНОТО ЗНАЧЕНИЕ ПРИ ИЗГРАЖДАНЕ НА КНИЖОВНАТА ЛЕКСИКАЛНА СИСТЕМА

През периода на Българското възраждане с формирането на новобългарския книжовен език се изгражда, структурира и консолидира и лексикалната му система. Постепенно се натрупва и утвърждава (по словообразователен път, чрез възстановяване или чрез заемане от други езици) онази лексика, която в течение на времето придобива нормативен характер. В лексикалната система на изграждащия се книжовен език най-отчетливо експлицират всички развойни процеси и тенденции, характеризиращи неговата специфика.

Сред множеството лексикални пластове съществено и трайно място заемат например лексикалните единици *nomina abstracta*, които обикновено се определят като специфичен белег на книжовния език и нетипичен за лексикалните системи на българския диалектен континуум. Поради факта, че повечето от абстрактните лексеми са нови образувания, заемки, калки или възстановени за нова употреба от старобългарската книжовна система, *nomina abstracta* се определят и като иновационно лексикално явление. От друга страна иновацията представя и начинът, по който те се утвърждават в книжовния език – бързо, чрез натрупване и отразяване в лексикографските пособия (речници), създавани през периода на Възраждането. Така, появила се като необходимост, абстрактната лексика като специфичен пласт се усвоява лесно, включва се активно в стиловата диференциация на книжовния език, където заживява стабилно, устойчиво.

Както беше посочено, значение за това имат и лексикографските пособия (речници), които са познати и се разпространяват през XIX в. Достатъчно е да се посочат само два от тях, макар създадени от един и същ автор – Иван Богоров. Френско-българският и българско-френският речник на големия български възрожденец представят опита на автора, въз основа

на определена концепция, да изгради лексикалната структура на българския книжовен език в нейната полифункционална същност: като средство за единно речево общуване, като средство за обслужване на различни сфери на обществения и духовния живот, като средство, изградено върху строго определени системни взаимоотношения, отразяващи особеностите на българската езикова система. Замисълът на Ив. Богоров е изложен в "Предисловіе-то" на Българско-френский речник (1871). Авторът гледа на този речник като най-бързо средство да събере на едно място "речите на бащиний наш език". Богоров се опитва да предложи модел за структурата на лексиката на формирация се през XIX в. български книжовен език. В този модел съществено място той е отделил на лексикалните единици *nomina abstracta*.

Специално изследване на ролята и значението на българската лексикография за формирането на книжовната лексикална система не е правено досега. То е предстояща задача за всички, които се занимават с история на книжовния език, както и за българските лексиколози и лексикографи.

ЕТАПИ В РАЗВИТИЕТО НА БЪЛГАРСКОТО РЕЧНИКОВО ДЕЛО ПРЕЗ ВЪЗРАЖДАНЕТО

През епохата на Българското възраждане се създават условия за преодоляването на няколковековната принудителна изолация на българите от европейския културно-исторически процес. Идеята да се превъзмогне забавеното национално развитие е всеобхватна и могъща и дава силно отражение върху цялостния културен живот на поробените българи. В центъра на духовното обновление стои въпросът за българския език, за неговото книжовно устройство и за събирането на словното му богатство. Едновременно със засиленото внимание към родния език се появява и интересът към изучаване на езика на други народи като едно от средствата за приобщаване към европейската култура. Тези потребности (образователни, езиково-нормативни, преводачески, практическо-търговски) обуславят закъснялата с няколко века поява на българското речниково дело през късното Българско възраждане (от първите десетилетия на XIX в. до Освобождението на България през 1878 г.). Към обстоятелствата, които мотивират съставянето на първите български речници, включително и т. н. притекстови речници (глосарии), трябва да се добавят и интересите на чужденци към българския език, почти непознат извън страната през първата половина на миналия век. Тези интереси са от различен характер: научни – главно за славистите от Русия и Австрия, религиозни – за американските протестантски мисионери в България, военни – за нуждите на руската армия, водила няколко войни с Турската империя през XIX в. Ето защо проучването на българските възрожденски речници не може да се сведе само до строгата лингвистична проблематика, извън социалния и културния контекст на епохата.

В сложната езикова ситуация в епохата на Българското възраждане, без наличието и подкрепата на българска държавна власт и културни институции, българското речниково дело се изгражда трудно и неравностойно. От проучените 50 лексико-

графски начинания само 6 са отпечатани като самостоятелни трудове, 4 като начални части от речници и 17 като речникови приложения към различни по характер книги – граматики, разговорници, преводни съчинения. Останалата част от възрожденските речници и списъци от думи са ръкописи (някои незавършени), най-значителните от които не са публикувани главно поради липса на материални средства. Тези данни, колкото и да са скромни за един период от 50 – 60 години, свидетелствуват за актуалността на речника като културен жанр през втората и третата четвърт на XIX в. у нас и за появата на един нов вид интелектуална дейност сред българските книжовници като Неофит Рилски, Христаки Павлович, Найден Геров, д-р Иван Богоров, Константин Фотинов, Драган Цанков, Анастас Кипиловски, Сава Филаретов, Кузман Шапкарев и др.

Анализирането на българското речниково дело през Възраждането очертава процеса на еволюирането му и позволява отделните речници и речникови приложения да се отнесат към три етапа на неговото развитие, макар че хронологически те не следват строго един за друг, а се застъпват и дори съществуват паралелно. Този факт се обуславя от филологическата подготовка на авторите и предназначението на речниците. Независимо от това възходящата линия на развитие на българското речниково дело през Възраждането ясно се откроява и позволява разграничаването на следните три етапа:

а) Донаучен период – към него се отнасят безредни списъци от думи, често записани в различни форми на употребата им и преведени на чужд език (езици) и речници от типа на т. н. конкорданси. Такъв характер имат напр. малък ръкописен анонимен руско-български речник (вероятно от началото на XIX в.), „Книга за научение трих языков славеноболгарский и греческая и кармалицкой“ (1841) от Теодосий Синаитски и др.

б) Практическа лексикография¹ – към нея се отнасят предимно притекстови речници в учебни пособия, разговорници и преводни съчинения като „Разговорник грекоболгарский...“ (1835) от Христаки Павлович, „Карманная книга для русских воинов...“ (1854) от Сава Филаретов, „Речник или лексикон на Славенски речи...“ към „Кратко начертание на всеобщата история...“ (1836), превод от руски език, Ан. Кипиловски и др. В тях думите са представени по някакъв организиращ принцип –

¹ Терминът е работен и условен, тъй като всички речници са предназначени за практиката.

тематичен, азбучен или по части на речта, привличат се синоними, появяват се описателни дефиниции на черковнославянизми, русизми или на заемки от западноевропейските езици.

в) Научна лексикография – появата ѝ се обуславя от необходимостта да се събере и опише речниковото богатство на българския език с оглед предимно на нормативното му устройство, от развитието на българската граматическа мисъл, от засилените културни контакти с други народи и от усвояването на постиженията главно в гръцката, руската, сръбската и френската лексикография.

Безспорни достижения на българската научна лексикография през Възраждането са: ръкописният тълковно-преводен "Словар българско-гръцкий..." (съставян в продължение на почти петдесет години) от Неофит Рилски; началната част от "Болгарский словарь" с руски съответствия (А – Влека) от Н. Геров, отпечатана през 1856 г. в Петербург като приложение към Известията на Второто отделение на Императорската академия на науките, Френско-българският (1869) и Българско-френският речник (1871) от д-р Иван Богоров; ръкописният триезичен речник – руско-българско-гръцки – от К. Фотинов и др. Те са имали амбицията да бъдат речници от предписващ тип, макар че на никой от тях не се отдава да бъде "законодател" в нормативното устройство на българския книжовен език.

Независимо от това, те са свидетелство за усвояването на принципите на научната лексикография, достигнала своя връх в края на миналия век с отпечатването на "Речник на българский язык с тълкуване речите на български и на руски" (1895–1904) от Н. Геров, възпитан в духа на руската лексикографска традиция.

Боян Вълчев (София)

**“РЕЧНИК НА БЛЪГАРСКИЙ ЕЗИК” (1895–1904)
ОТ НАЙДЕН ГЕРОВ
И “СРПСКИ РЕЧНИК” (1818) ОТ ВУК КАРАДЖИЧ**

Безспорно е ключовото положение на двата речника в процеса на изграждането на националните култури и на книжовните езици на двата съседни балкански народа. Те обаче са съставени в различни фази от развитието на тези процеси: единият – още в ранния етап от протичането им, а другият – когато в основни линии те са дали като резултат вече функциониращи реалии. Именно затова те са изключително интересни при проследяването на типологичните прилики и отличия в изграждането на двете нации, култури и в частност на книжовните езици. Сръбският книжовен език “расте” успоредно с израстването на самостоятелно национално общество, изграждащо своя собствена държава с всичките ѝ характерни черти и институции, а българският книжовен език се заражда и оформя в условията на една империя, която реално препятства развитието на националните култури на включените в рамките ѝ завладени народи. Оттук произтича първата основна типологична разлика между двете култури и техните книжовни езици. При тези дадености е извънредно интересно да се проследи какви са лексикалните съставки (напр. по произход), които дават облика на речниците. При статистическото разглеждане проличава, че различията не идват (както пък обикновено се очаква) от различното застъпване на лексикални елементи и словообразователни модели, произхождащи пряко или косвено от традиционни книжно-книжовни извори (черковнославянския език). В това отношение речниците не ни представят състояние на контраст, а по-скоро на нюанси.

Различията се проявят най-вече в подхода на авторите към лексикалните масиви, в начина на отразяване на правописно-фонетични явления, в методологията на подбора и илюстрирането на единиците.

Разглеждането на двата речника дава интересни данни, които в

много отношения отвеждат доста встрани от редица традиционно възприети представи във филологическите трактовки на книжовноезиковите процеси през миналото столетие на Балканите.

РЕЧНИКЪТ НА БЪЛГАРСКИЯ ЕЗИК В РАЗВИТИЕТО НА БЪЛГАРСКАТА СЕМАСИОЛОГИЯ И ГРАМАТИКА

Един език се представя преди всичко чрез своя речник и граматика. Описанието на тези две негови страни съставлява фундаменталната част от едноезичната лингвистика. Заблуда е обаче, че познания за лексиката на даден език се получават от неговата "Лексикология" или "Лексика", като се имат пред вид наличните книги от този тип. Единственият труд върху думите, адекватен на една граматика на езика, е тълковният речник.

Струва ми се, че вече се отживява схващането на тълковния речник само като източник на информация за значението на думите. Ако това е основното предназначение на един кратък речник, съвременният модерен тълковен речник – среден или пълен – дава много по-богата езикова информация и има значение на описателна семантика на езиковата лексика, представяйки голяма част от нейните семантични и граматико-семантични връзки и особености.

В доклада се обръща внимание на няколко семантично-граматични явления и тяхното представяне в речника на Геров и в многотомния съвременен Речник на българския език, за да се покаже ролята на тълковния речник в научното развитие.

Тълковният речник отразява състоянието на езиковата наука на своето време. Но необходимостта в него да се представят семантичните и граматичните характеристики на всяка лексикална единица води до по-задълбоченото вникване в индивидуалните прояви и ограничения на някои словообразователни и граматични особености при отделни микросистеми, които убягват на граматиката на езика. По такъв начин, съобразявайки се в общи линии с определени граматични виждания, тълковният речник създава възможност за доразвиване и ревизиране на отделни постановки в граматиката.

Още Геровият речник на българския език има значение на първа българска описателна семантика. С изумителен усет неговият автор установява семантичните признаци на отделните

значения, разграничава проявите на лексикална полисемия в народната лексика, показва нейната значителна синонимия във всяко значение. Доловена е богатата метафоричност на народния език, представена и в значенията, и в илюстративния материал. Тази информация създава база за всевъзможни проучвания на езикови процеси и народнопсихологически явления, на мисленето и вижданията на българския народ.

Внимателно са анализирани и дефинирани типове семантични особености на префигираните глаголи, внасяни от различните представки. Намерен е сбит, но умел и сравнително единен начин за представяне на разнообразната, но специфична семантика на относителните прилагателни (срв. **попскый, небесный**).

У Геров все още ограничено и непоследователно са отразени преходни явления като субстантивация и адективизация. И все пак наличието им в речника е принос към граматичната наука на времето.

Теоретичната неизясненост на понятието за глаголен вид, начин на действие и съотнасяните с него еднократност/многократност, също за преходност, непреходност и медиалност при глаголите и под. през XIX в. се проявяват в недостатъчно избистрените в Геровия речник бележки **ср., об., ед-кр., мн-кр.,** и др. Прилагателното им обаче показва един доста точен поглед на семантичните различия между лексемите, характеризирани с тях.

В многотомния Речник на българския език (РБЕ) се оглежда значителният скок на лингвистиката от втората половина на XX в. Основен проблем, представен по нов начин в сравнение с останалите български речници, е този за понятията лексема и граматична форма, лексикално и граматично значение при глаголите. Обособени по своеобразен начин – като подзаглавни думи – са медиалните глаголи (възприемани като разделнооформени деятелни непреходни глаголи, образувани не само със **се**, но и с други частици – **си, ме, ми, ми се**).

Принос в областта на лексикалната и граматичната семантика е предстоянето на безличните форми на глагола. За пръв път се отделят а) чисто формални безлични употреби, б) безлични употреби с леко изменение на основното значение, които се дефинират, и в) форми, натоварени със самостоятелно значение (**върви, излиза, има, иска, иска се** и под.).

Единното прилагане на концепцията за относителна самостоятелност на някои форми на думата и лексикографското им

представяне като подзаглавни думи се проявява и при някои местоимения (обобщителни, въпросителни, относителни), при суплетивни форми на дума (съм – бъда) и под. Отделят се синтактично-семантични прояви на думата с тенденция на развитие към лексеми, напр. адвербиализирани съчетания с предлог като **по нашему, на едро** и под.

Особено значителен е приносът на РБЕ за изучаване на връзката между лексикална семантика и съчетаемост. Както лексико-семантичните, така и граматичните ограничения при проява на значенията се отразяват последователно не само чрез илюстрациите, но и експлицитно. За пръв път се описва задълбочено и може да се обобщи теоретично връзката между лексикално и граматично значение. От особен интерес са обстойно представените фразеосхеми или конструктивно-обусловени значения.

В семантичен план принос е последователното отразяване на редовната полисемия при пълнозначните думи. А в чисто граматичен план постижение на речника е въвеждането на ограничения при образуване на страдателен залог от преходни глаголи, т. е. представяне на случаи на формална залогова дефективност, зависима от семантичните признаци на глагола. Същото явление на словообразователна дефективност се наблюдава и при образуване на отглаголни съществителни – явления, които българската граматика не е отбелязала.

Внимателният прочит на един тълковен речник на българския език може да служи като надеждна база за задълбочено проучване на семантични, словообразователно-семантични и граматично-семантични особености на българските думи. Независимо от азбучния ред на единиците, в него се експлицират съществени теоретични обобщения.

В. Малджиева (София)

**ГРАММАТИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ
О НЕИЗМЕНЯЕМЫХ ЧАСТЯХ РЕЧИ
В СЛОВАРЕ НАЙДЕНА ГЕРОВА**

В докладе рассматривается способ представления неизменяемых частей речи в контексте представления грамматической характеристики слов, по которой можно косвенно судить, с одной стороны, о лексикографических, а с другой, о грамматических взглядах автора словаря. Особый интерес представляет проблема разграничения грамматических омонимов (наречие – частица, наречие – предлог, наречие – союз и под.) в словаре Н. Герова.

ГЕРОВСКАТА ТРАДИЦИЯ В БЪЛГАРСКАТА ЛЕКСИКОГРАФИЯ НА ХХ ВЕК

Многостранното научно и културно значение на Речник на българския език на Найден Геров е в неговия принос в строителството на съвременния български език и в теорията и практиката на българската лексикография. Този речник не само поставя основите на българската лексикографска школа, но и определя главните тенденции в бъдещето и развитие през следващото двадесето столетие като последовател и приемник на научните и обществено-културни добродетели на руската лексикография, с характерните за нея: максимализъм в целите, задачите и изискванията към лексикографските трудове, високо съзнание за изключителната културно-историческа мисия на речника на националния език, високата научна и нравствена стойност на личностите в областта на речниковото дело, солидна, често даже изпреварваща, научна обективност при лексикографското интерпретиране на езиковия материал, съчетаване на чистия жанр с уникално в някои трудове експериментално разчупване на традиционните форми.

Тези добродетели, заимствувани от руската лексикографска традиция, Найден Геров налага като трайни и определящи тенденции в българската лексикография на ХХ в.

1. Максимализъм в целите, задачите и изискванията на лексикографските трудове: Основното в Геровото разбиране за национален речник е изключителната му роля за отстояване на националното самосъзнание на народа. Максимализмът се издига в ранг на задължителна мярка за качество и остава и до днес близката до идеала за съвършенство цел в професионалната изява на няколко поколения лексикографи.

Максимализмът като критерий има и своята обратна страна – дълго, понякога мъчително бавно, с много търсения на оптималния вариант и болезнени дискусии около концептуални въпроси, се стига до изработването на големи речници на българския език. В битката за съвършенство понякога са се

разпадали блестящи лексикографски колективи – напр. колективът на Български тълковен речник (акад. А. Т.-Балан, акад. Ст. Младенов, Б. Цонев и Св. Аргиров), който се разпада след смъртта на проф. Б. Цонев, и речникът се изработва като авторски от акад. Ст. Младенов и излиза само до буква **К** едва в 1951 г., а т. II, доработен и завършен от проф. Й. Заимов, е неотпечатан и до днес.

2. Висока научна и нравствена характеристика на личностите в българската лексикография на XX в.: От една страна академичната наука възприема теорията и практиката на създаване на национални тълковни речници като дейност с подчертано приложен характер, а от друга страна, ръководени от съзнанието за изключителната културноисторическа мисия на речника на националния език и на неговата непреходна ценност като паметник на духовната култура на народа, с лексикография в България се занимават по традиция най-изтъкнатите български лингвисти на двадесетото столетие – А. Т.-Балан, Ст. Младенов, Б. Цонев, Ст. Романски, Цв. Тодоров, Ст. Стойков, Л. Андрейчин, Вл. Георгиев, Ст. Илчев, Й. Заимов, Д. Мирчева, И. Дуриданов, Кр. Чолакова, С. Спасова, Ст. Божков, З. Генадиева, К. Ничева, П. Пашов, Хр. Първев и др. Приносът на тези забележителни учени определя възходящия път на съвременната българска лексикография, така както светлата Герова личност се отразява многостранно в голямото дело на неговия живот – Речникът на българския език.

3. Солидна научна основа на лексикографските трудове: Още първите два големи речника на българския език – “Словарь болгарского языка...” на Ал. Л. Дювернуа (Москва, 1885–1889) и “Речник на българския език” на Н. Геров (Пловдив, 1895–1904) са професионално изработени речници с концепции и изпълнение не отстъпващо на високите образци на руската, славянската и европейските лексикографии. Така младата българска лексикография още с първите си трудове заема определена професионална и научна позиция, която отстоява през следващото столетие. Големите български речници на XX в. са дело на академични колективи, техните концепции се утвърждават след редица публикации и научни дискусии. Двата най-големи тълковни речника – Речник на съвременния български книжовен език (т. I-III, 1955–1959), изработен от академичен колектив, под ръководството на акад. Ст. Романски, и много томния Речник на българския език (т. 1-7, 1974–1994), с авторски

колектив също от Института за български език, под ръководството на Кр. Чолакова, решително доказват, че Институт за български език към БАН е главният национален лексикографски център в Република България, който разполага със съвременна материална база, квалифицирани кадри и главното – с най-богатите лексикални архиви на българския език. Жанровото разнообразие на издаваните от Института речници е впечатляващо – от Български етимологичен речник (т. I-III, под редакция на Вл. Георгиев и И. Дуриданов), Старобългарски речник (под редакцията на Д. Мирчева и И. Давидов; под печат), Фразеологичен речник (автори Кр. Чолакова, К. Ничева, С. Спасова) до речници на абривиатурите, обратен, римен, валентен и др. В Института за български език е създадена определена научна технология, подsigуряваща речниковите издания от техния концептуален замисъл до отпечатването им.

4. Научна добросъвестност, обективност и прецизност при интерпретиране на езиковите факти: В българските речници по традиция, заложена още с Геровия речник, се представя цялото богатство на българския език в неговите пространствени и исторически измерения. Подчертаният стремеж за научна обективност подчинява на историческите превратности и личности в речниците само и единствено езиковият материал като паметник на епохата. Лексикографската и лингвистичната интерпретация остават неподвластни на конюктурни и под. внушения. Например представянето на турцизмите в българските речници отразява обективно тяхното присъствие и динамика в българския език и постепенното им фонетично, морфологично, семантично и стилистично “разтваряне” в неговата система. Българската лексикография на XX в. остава далече от всякакви пуристични и подобни крайности при интерпретиране на лингвистичните процеси на междуезиковата интерференция на Балканите.

5. Жанрова чистота и лексикографско експериментиране в рамките на традиционните лексикографски форми: Геровият речник е ярък пример на разчупване и творческо съчетаване на различни жанрове речник – тълковен едноезичен, преводен еквивалентен и лингвострановедческа енциклопедия. Речникът на Ст. Младенов е друг и уникален пример на експериментиране в рамките на тълковния речник при непосредственото съчетаване на азбучния и системния принципи. Сполучливо пресичане на различни жанрови характеристики съдържат речниците на Ст. Илчев и забележителния така наречен “Речник на седмната”.

Много са имената и заглавията, които остават неотбелязани в нашето съобщение, но надяваме се, че от изложението естествено произтича изводът, че след Найден Геров българската лексикография се развива възходящо, на съвременна научна и професионална основа, и в края на ХХ в. има своето място и своя принос в славянската и европейската лексикография, не толкова с количеството на своите заглавия (въпреки че те не са малко), колкото с жанровото разнообразие и научното равнище на своите разработки.

Р. М. Цейтлин (Москва)

**“РЕЧНИК НА ЦЪРКОВНОСЛАВЯНСКИ ЕЗИК”
АРХИМАНДРИТА Д-РА АТАНАСИЯ БОНЧЕВА
(СОФИЯ, 1952)**

Атанасий Бончев (1915–1978) – выдающийся знаток церковнославянской литературы, известный богослов, архимандрит. А. Бончев окончил Софийскую духовную семинарию и Богословский факультет Софийского университета, продолжал свое образование на философском факультете Магдебургского университета, где в 1945 г. защитил докторскую диссертацию. Бончев преподавал церковнославянский язык в Софийской духовной семинарии, с 1960 г. заведовал Собранием рукописей и старопечатных книг в Национальном церковно-археологическом музее (София). Бончев – автор ряда широкоизвестных трудов по церковнославянской грамматике (“Църковнославянска граматика” 1952 г.), по изучению сочинений Климента Охридского по спискам XII–XVIII вв. Первые публикации переводов Климента Охридского на современный болгарский язык опубликованы в различных сборниках и в журнале “Църковен вестник” (за 1901, 1917, 1918 гг.), итоговый труд А. Бончева – “Св. Климент Охридский. Слова и поучения”, София, 1970. Книга состоит из двух частей: в первой – 16 произведений Климента Охридского, им подписанных; во второй – 60 произведений, авторство которых установлено исследователями, в том числе и А. Бончевым; издание сопровождается лаконичными примечаниями.

Многолетняя преподавательская деятельность и глубокое изучение богослужбной литературы различных жанров, в том числе и редких рукописных и первопечатных текстов убедили А. Бончева в необходимости создания не только Грамматики церковнославянского языка, но и Словаря этого языка, необходимость в котором остро ощущалась не только при преподавании, но и при исследовании церковнославянских текстов. В результате многолетней работы был создан “Речник на църковнославянски език” (София, 1952; в одной книге с “Църковнославянской грамматикой”). В своем кратком Предисловии

А. Бончев указывает, что в словаре содержится 5000 слов и что он "составлен" (выражение А. Бончева) по русскому академическому "Словарю церковнославянского и русского языка" (114749 слов, 4 тома; 1-е изд. Спб., 1847; 2-е изд. СПб., 1867–1868), а также по небольшим учебным лексиконам Неофита Рильского и С. Перковича. Анализ показывает, что указанные источники были им тщательно изучены, но отбор слов, построение словарной статьи, порядок и состав слов-переводов свидетельствуют о внимательном собственном подходе к интерпретации каждой лексемы. Словарь, несмотря на свой сравнительно ограниченный объем, отвечал не только насущным нуждам своего времени в области преподавания, чтения и изучения церковнославянских памятников, но и в настоящее время при внимательном изучении словарных статей, его составляющих, позволяет выделить ценные данные по истории ряда слов и особенно их отдельных значений, претерпевших не всегда явные семантические изменения на протяжении многовековой истории болгарского языка, а в отдельных случаях и истории лексики других славянских языков.

Несколько примеров. **Милоть** (Бончев, с. 157) – 'овча кожа; груба вълнена дреха; кожух' (точки с запятой отделяют семантические оттенки и значения). Русск. акад. словарь (1847, т. II, с. 304) – 'Одеяние, сделанное из овчины'. Ср. в "Житии Павла Препростого": "вѣсь... галгола. не изидж... възъмъ же милотникъ своиъ внаше и по хръбѣтоу" Супрасльская рук. 172, 13 (гапакс в старославянских рукописях!). Грецизм **милотни(и)**, μιλῶτή – 'овечья или козья шкура' (Поспишилъ, Дворецкий и др.). Бончев на первое место ставит значение 'овча кожа', что, видимо, и соответствует употреблению этого редкого слова в Супрасльской рукописи. Следует учитывать огромную начитанность и проникновение в смысл богословских сочинений (см. хотя бы его высокооцененные специалистами переводы сочинений Климента Охридского).

Буй (Бончев, с. 129) – 'безумен, глупав; луд'. В Русск. акад. словаре: 'несмысленный, безумный' (т. I, с. 87). Бончев добавляет многозначное 'луд', расширяющее смысл слова **буй**, суженный в Русск. акад. словаре, но ср. многозначное **буйный**, **буен** у Герова (т. I, с. 8) и в современных словарях болгарского языка.

При слове **мшеломство** (Бончев, с. 159) – 'користолюбие, алчность' (в Русск. акад. словаре – 'пристрастие к несправедливой мзде, мздоимство', т. II, с. 335, ср. там же **мшель** – 'корысть, неправед-

ный прибыток?) указывается специальное выражение **келейное мшелоничество** с толкованием 'непозволено украшаване на монашеска килия (със светски картини и съпа покъщнина)'

Зазорный (Бончев, с. 143) – 'подозрителен, съмнителен; омразен'. В Русск. акад. словаре (т. II, с. 20) – 'достойный порицания' и словосочетание "зазорные лица: люди подозрительного поведения". Бончев на первое место ставит значение 'подозрителен, съмнителен', характерное для языка Супрасльской рукописи. Например: **зазорно дѣло** Супр 44,3 (греческое соответствие $\delta\lambda\omicron\tau\omicron\varsigma$). Ср. там же **зазоръ** Супр 346,2 (греческое соответствие – $\delta\lambda\omicron\psi\acute{\iota}\alpha$). Данные греческие соответствия позволяют предположить, что **зазорнь** и **зазоръ** в Супрасльской рукописи – кальки (ср. другое значение **зазорнь** 'предосудительный', греческое соответствие – $\mu\epsilon\tau\tau\acute{\epsilon}\omicron\varsigma$). Прил. **предосудителен** не значится у Герова, не знает его и "Речник на съвременния български книжовен език". В русском литературном языке это слово известно с 1731 г. (словарь Вейсмanna), как и слово **подозрительный**. Видимо, древнее **зазорнь** имело два независимых значения: одно народное 'омразен', другое – книжное (калька) – 'подозрителен, съмнителен', на которое обращает внимание А. Бончев.

В плане исторической лексикологии и лексикографии славянских языков и, разумеется, прежде всего болгарского языка материалы Словаря А. Бончева (при учете ограниченного числа прямых источников) изучены далеко недостаточно.

СЛОВАЦКАЯ ЛЕКСИКА В ВОЗРОЖДЕНЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

1. Славянское национальное возрождение представляет собой переломный период в развитии славянских народов и национальных литературных языков. В этот период происходило становление современных славянских наций, а в их конституировании важную роль играли формирующиеся национальные литературные языки. В многонациональной венгерской монархии в эту историческую эпоху произошла внутренняя перестройка смысловых компонентов понятия "нация". Понятие "венгерская феодальная нация" основывалось на сословном (а не языково-территориальном) принципе; когда же в период национального возрождения в Центральной и Юго-Восточной Европе формировались современные нации, основной составной частью понятия "(буржуазная) нация" стал смысловой компонент "национальный литературный язык". Эту закономерность уловил еще на начальной фазе словацкого национального возрождения Антон Бернолак. Ему принадлежит историческая заслуга в том, что он на базе культурного западнословацкого языка первым из словацких лингвистов кодифицировал литературный словацкий язык как наивысший общественно-культурный языковой идиом формирующейся современной словацкой нации. На кульминационном этапе словацкого национального возрождения в изменившихся общественно-исторических условиях и лингвистических предпосылках принципы словацкого национального литературного языка (на базе культурного среднесловацкого языка) сформулировал Людовит Штур.

В рассматриваемый переломный исторический период в славянском мире наблюдается повышенная лингвистическая активность. Это касается, с одной стороны, разработки проблем грамматики и правописания славянских литературных языков, с другой стороны, лексикографического описания этих языков. К числу наиболее значительных достижений этой эпохи относится, например, "Подробная грамматика чешского языка"

Й. Добровского (Dobrovský J. Ausführliches Lehrgebäude der böhmischen Sprache; два издания: 1809, 1819), из лексикографических трудов — “Словарь польского языка” С. Б. Линде (Linde S. B. Słownik języka polskiego, t. 1–6, 1807–1814) и “Чешско-немецкий словарь” Й. Юнгмана (Jungmann J. Slovník česko-německý, t. I–V, 1835–1839). В ряду возрожденческих филологических трудов достойное место занимают работы выдающихся представителей словацкого национально-возрожденческого движения. Шеститомный словарь Бернолака (Bernolák A. Slovník Slowenský Česko-Latínsko-Německo-Uherský, t. I–VI, 1825–1827) является трудом большого исторического значения, у которого время не отняло научную ценность. Хотя последние исследования (Н. Кеиперт) показали, что Бернолак — подобно авторам грамматик многих других славянских языков — основу и многие исходные формулировки своих грамматических трудов заимствовал из латинской версии руководства Шлёгеля, которое было предназначено для написания основных языковых пособий по изучению немецкого языка в венгерских областях, сделанное им описание грамматического строя, разработка орфографической системы литературного словацкого языка и детальное описание его словарного состава вошли в историю славистики. Словацкий язык был представлен им как отдельный славянский литературный язык. Особое положение среди славянских грамматик того времени занимают также лингвистические труды Штура, прежде всего благодаря его стремлению к целостному и диалектическому пониманию языковых явлений.

2. И другие словацкие возрожденческие филологи немало внимания уделяли исследованию словарного состава словацкого языка. Они изучали словацко-венгерские лексические связи (Ш. Лешка, Й. Рогони, Ю. Рибан); их заинтересовали венгерские слова, образованные от славянской основы, и прежде всего признаки, отличающие словацкий язык от чешского. Результаты их исследований находим, с одной стороны, в лексикографических трудах Й. Добровского, Й. Юнгмана, И. Палковича (словацкие слова приводятся в чешской огласовке с пометой “sl.”), с другой стороны, в собственных самостоятельных лексикографических работах. Эти работы малоизвестны славистической общественности, так как важнейшие из них не были опубликованы. Остались в рукописи и замечательные лексикографические труды Юрая Рибан, словацкого просветителя с широкими славистическими интересами, многолетнего научного

информатора Й. Добровского по различным лингвистическим, этнографическим и историческим проблемам славистики. Среди его рукописного наследия находятся *Vocabularium Hungarico-slavicum, sine vocabula Slavis et Hungaris communia* (почти 1000 венгерских слов славянского происхождения), дополнения к словарю Ф. Й. Томсы (*Tomsa F. J. Vollständiges Wörterbuch der böhmisch-deutsch und lateinischen Sprache, 1791*) – *Specimen vocum Slavo-Bohemicarum* и самый значительный лингвистический труд *Idioticon Slovacicum (1807–1808)*. (Рукопись находится в “Литературном архиве” Матицы словацкой в г. Мартин. Она содержит 286 нумерованных страниц, первые 16 страниц рукописи отсутствуют. В 1964 г. я идентифицировал эту рукопись как *Idioticon Slovacicum*, ср.: *Blanár V. Ribayov Idioticon Slovacicum // Jazykovedné štúdie, 9, 1966, s. 91-114*). В нем Рибай описал словарный состав словацкого языка под определенным углом зрения. Как он сам писал, речь шла о “словацком идиотиконе, содержащем около 14700 слов, которые чехи или вообще не употребляют, или употребляют в другом значении”. Очень ценную часть словаря составляет словацкая фразеология. Методика обработки языкового материала в этом труде близка методике упомянутого словаря Томсы, к которому Рибай подготавливал дополнения.

3. С лексикографической точки зрения это был переводной трехязычный словарь. После грамматических и стилистических помет, характеризующих заглавное словацкое слово, следовал немецкий и затем латинский эквивалент. Особенно большое внимание Рибай уделял конструкциям с глаголом, именем прилагательным и предикативом. К характерным признакам отбора слов в данном словаре относится богатство глаголов, выражающих протекание глагольного действия (например *narjgám, porozdávám, šjgám* и т.п.). У глагольной приставки *po-* мы находим у Рибай все 11 оттенков значения, которые приводятся в “Словаре словацкого языка” (*Slovník slovenského jazyka, III. diel, 1963, s. 103–104*). Острый филологический ум и определенную творческую самостоятельность Рибай проявил в сфере правописания (он различает функциональную значимость звуков *ch* и *g*, чего не было у Бернолака и Палковича). Основным источником его коллекции слов была живая речь. В целом можно сказать, что языковой основой для него послужил родной диалект окрестностей д. Бановце. Что касается фонетики, то здесь у Рибай сочетаются черты главным

образом двух диалектных областей – диалекта Бановце и диалекта южносреднесловацкого типа (это связано с его пребыванием в Цинкоте). Большое количество языкового материала словаря Рибай до сегодняшнего дня образует устойчивую часть словацкой лексики. Следовательно, он имеет свою ценность и для исследования современного словацкого языка. *Idioticon Slovacicum* надо понимать как результат широкого сравнения словацкого и чешского языков, импульсы к которому Рибай получал от Добровского. Хотя Рибай редко эксплицитно указывает на различия словацкого языка от чешского, все же основным его методическим приемом был сопоставительный подход. Словарный материал он отбирает и располагает с таким намерением, чтобы на передний план выступили характерные черты словацкого языка по сравнению с чешским. В этом отношении *Idioticon Slovacicum* Рибай, учитывая полноту и ценность собранного материала, является оригинальным и новаторским трудом.

Перевод со словацкого Л. Н. Смирнова.

МЕСТО И РОЛЬ “СЛОВАРЯ” АНТОНА БЕРНОЛАКА В ИСТОРИИ СЛОВАЦКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

1. В серии лингвистических работ А. Бернолака (1762–1813), который на начальном этапе словацкого национально-возрожденческого движения разработал и осуществил первую целостную программу узаконения самостоятельного *литературного* словацкого языка, важное место занимает фундаментальный лексикографический труд – шеститомный “Словацкий чешско-латинско-немецко-венгерский словарь” (Bernolák A. *Slovár Slovenskí Česko-Latínsko-Nemecko-Uherskí*. I–VI. Budae, 1825–1827. 4440 s. + 856 s.). Этому словарю Бернолак придавал большое значение и самоотверженно работал над ним более двадцати лет. Он неоднократно пытался его издать, но из-за финансовых трудностей ему это не удалось. Первый том словаря был опубликован лишь через двенадцать лет после смерти автора.

2. Словарь венчает многогранную кодификаторскую деятельность Бернолака, которая охватывала орфографию, орфоэпию, фонетику, грамматику, словообразование и лексику первого варианта литературного словацкого языка, называемого “бернолаковщиной”.

В отличие от предшествующей лексикографической литературы, на которую опирался Бернолак (прежде всего это были чешские и словацкие словари XVIII в.), его словарь характеризуется рядом особенностей.

Во-первых, он отличается объемом словника. Это был словарь, в котором впервые нашла достаточно полное отражение лексика словацкого языка XVIII – начала XX вв. В нем содержится более 80000 словарных статей. Для того времени это был в полном смысле слова *большой* словарь. В нем наряду с общелитературной лексикой была богато представлена лексика терминологическая (ботаническая, сельскохозяйственная и др.), а также разнообразная словацкая фразеология (свыше 2800 фразеологических единиц). Второе более существенное отличие заключалось в том, что впервые в истории словацкой лекси-

кографии, если не считать рукописного латинско-словацкого словаря ("Syllabus dictionarii latino-slavonicus...", 1763), автором которого являлся Ромуальд Гадбавни, был реализован *нормативный* подход к описанию лексики литературного словацкого языка, который проявился как в отборе слов, в составе словника, так и в разработке словарных статей. Отбор слов проводился Бернолаком в соответствии с кодификаторской установкой, органически связанной с его общей просветительской и национально-патриотической позицией. Рассматривая литературный язык, основанный на родной речи словаков, как важный фактор их национальной идентификации, Бернолак и в словаре стремился показать отличие словацкого языка от чешского, выявить его специфику в области лексики. Во многих случаях приводимые в словаре слова, заимствованные из чешского, сопровождались пометой *boh.* ("богемизм") или значком + и, следовательно, оценивались как нелитературные. Правда, некоторые богемизмы, выступавшие в словацкой огласовке, подавались как литературные (и не имели никаких помет). С другой стороны, поскольку бернолаковщина базировалась на так называемом "западнословацком культурном интердиалекте", в словаре Бернолака в качестве литературной лексики доминировали слова, характерные для письменной и разговорной формы этого своеобразного идиома, и тесно связанные с ним слова из местных западнословацких диалектов. Наряду с этим в словаре нашла свое отражение общесловацкая и среднесловацкая диалектная лексика. По отношению к последней наблюдается некоторая двойственность позиции кодификатора: часть среднесловацких диалектных слов сопровождалась пометой *wulg.* ("простонародный") или отмечалась звездочкой (*) и тем самым выводилась за рамки литературной нормы, другая ее часть обретала в словаре статус литературной и выступала без всяких помет. Указанные стилистические квалификаторы помогали выделить нормативное ядро формирующегося словарного состава литературного словацкого языка. Несомненным достоинством разработки словарной статьи в Словаре Бернолака является богатая синонимика и лексическая вариативность. Это способствовало раскрытию определенных системных связей в области лексики литературного языка.

Наконец, в отличие от предшествующих двуязычных или многоязычных словарей, в которых словацкие слова обычно выступали как эквиваленты латинских, немецких или венгерских

заглавных слов, в бернолаковском словаре отправным пунктом было словацкое слово, а иноязычные эквиваленты служили для раскрытия его семантической структуры. В связи с этим в данном случае можно говорить о своеобразном сочетании элементов толкового и переводного словаря.

3. Словарь Бернолака привлекал и до сих пор привлекает внимание исследователей. По-разному оценивались его научные достоинства и мотивы его создания. В прошлом он нередко получал весьма негативную оценку (отмечались, в частности, такие его недостатки, как неэкономная подача лексического материала, перегруженность искусственными новообразованиями, отсутствие указаний на источники цитируемых примеров и др.). В новейшей научной литературе преобладают, однако, положительные оценки, что, на наш взгляд, объясняется более объективной трактовкой просветительской и кодификаторской деятельности Бернолака вообще, а также более глубоким и разносторонним анализом его словаря. В этом плане большое значение имеют новейшие исследования словацких лингвистов, которые благодаря сравнению материалов словаря Бернолака с данными "Исторического словаря словацкого языка", "Атласа словацкого языка" и "Словаря словацких диалектов" во многом по-новому характеризуют сильные и слабые стороны рассматриваемого лексикографического труда. Они еще раз подтверждают, что словарь Бернолака является достойным памятником эпохи словацкого национального возрождения, этапным звеном в истории словацкой лексикографии. Они также показывают, что этот словарь сохраняет свою научную значимость как ценный источник для словацкой исторической лексикологии и диалектологии.

АКТУАЛЬНОСТЬ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПЫТА РАДОВАНА КОШУТИЧА

Теоретик лексикографии и мастер словарного дела Л. В. Щерба, сетуя, что существующие двуязычные (переводные) словари плохо удовлетворяют потребности учащихся и преподавателей, отчего “всякий настоящий педагог советует своим ученикам как можно скорее бросать переводные словари и переходить на толковый словарь данного иностранного языка”, высказал идею: создать новый тип словаря, а именно – толковый иноязычный словарь на родном языке учащихся. Щерба размышлял о комбинированном по способу трактовки (семантизации) иностранных лексем словаре, в котором вместе с объяснительными дефинициями “могли бы фигурировать и переводы слов во всех тех случаях, когда это упрощает толкование и нисколько не вредит полному познанию настоящей природы иностранного слова” [1].

Щерба, судя по отсутствию в его работах упоминаний и ссылок, не знал, что уже существует созвучный его концептуальному замыслу лексикографический труд, эффективно используемый в преподавании и изучении русского языка в Сербии и других югославянских землях.

Сербский филолог-славист (русист и полонист) Радован Кошутич (1866–1949), весомый вклад которого в лингводидактику и науку о русском языке достойным образом еще не осмыслен и адекватно не оценен, выпустил в 1910 г. в Белграде трехтомный труд под названием “Образцы русского литературного языка” [2]. В первом томе напечатаны тексты (произведения или фрагменты сочинений восемнадцати русских авторов от Пушкина до Максима Горького), в т. II – “примечания” (сопроводительная историческая и литературная информация к текстам, а также обширный языковой комментарий, озаглавленный “Язык текста в отношении к современному разговорному языку образованных русских”, в т. III – словарь. Целью Кошутича было создание пособия для изучения русского языка, предоставленного в

произведениях художественной литературы, с установкой на активное овладение учащимися устно-разговорной разновидностью литературного языка, а также навыками корректного перевода с русского на сербский. Поэтому в словаре и в комментариях последовательно разграничиваются лексика русского языка, используемая в живой разговорной речи “образованных русских”, и лексика и словоупотребление, свойственные диалектным, просторечным и книжным реализациям русского языка. Указываются сочетаемостные ограничения, размежевание синонимических единиц. Лексикографическим новшеством стало описание социально-маркированного применения общеупотребительных лексем.

Приведем ради иллюстрации несколько словарных статей (в сокращении и с переводом сербского текста на русский).

Барин (мн. **бары** и **баре**, ныне мн.ч. обычно заменяется словом **господа**, а форма **баре** имеет презрительное значение) I. (в наше время) господин, т. е. дворянин, чиновник, всякий человек, по внешности которого можно думать, что он господин, причем: 1) из уст простолюдина это слово слышится всюду, и в прямой и в косвенной речи (т. е. для таких людей всякий господин – барин) [следуют примеры]... 2) из уст образованного человека слышится только а) когда он говорит со слугой о хозяине-господине...; б) когда он говорит о ком-либо с иронией...; в) когда он говорит о каком-нибудь дворянине-помещике; г) в выражениях: жить барином..., сидеть барином...

II. (в старое время, до отмены крепостного права) помещик, господин: 1) по отношению к своим крестьянам, челяди... 2) в устах другого человека, когда он спрашивал крестьянина или челядь, где господин, или когда он говорил с ними о помещике...

Бесовский (в речи монахов; обычно – внушенный дьяволом, например, сновидения)...

Безмолвный (выс. стиль; но и в обычной речи можно сказать: он оставался безмолвным свидетелем...)

Безмятежный (в обычной речи только в некоторых словосочетаниях, например, безмятежное существование)...

Кофе (в высоких слоях общества) м. нескл., **Кофей** (в речи простонародья, священников и купцов)...

Царь (в речи образованных людей обычно применяется к российским правителям до Петра I; для более поздних монархов используется титул **император**; если же речь идет о ныне царствующей особе, говорят: **государь** или **государь-император**.)

Слово **царь** употребляется также в обобщающих высказываниях типа **цари и короли**, в соответствии с принятыми историческими и современными титулами: **царь сербский** (ист.), **царь болгарский** (совр.), а также переносно: **тополь — царь полей, лев — царь пустыни**. В народной же речи всегда: **царь**.

Кошутич давал емкое описание реалий, отсутствовавших в обиходе сербского народа (см., например, статьи **ассигнация, будочник, бурка, вольноопределяющийся, дворник** и др.). В ряде случаев объяснялось значение и употребление слов, которые сербы могут воспринимать недостоверно из-за их внешней схожести с сербскими аналогами. Например:

Вино (на севере и в центре России виноград не растет, и, соответственно, простой народ в этих краях и не знает, что такое вино; этим словом он нарекает водку, и даже в речи образованных людей это слово иногда слышится с таким значением)...

На состоявшейся несколько лет назад конференции о проблемах и перспективах подготовки и издания словарей Ю. Д. Апресян декларировал, в частности: "...Необходимо обогатить замечательные филологические традиции отечественного словарного дела опытом мировой лексикографии. Две главные ее тенденции: а) постепенное преобразование пассивных (чисто толковых) словарей в словари активного типа; б) переход от чисто филологического описания слова к цельному филологическому и культурному описанию слова-вещи, с привлечением элементов энциклопедического и этнолингвистического знания" [3].

Лексикографический труд Радована Кошутича, который сам автор рассматривал "не только как ключ к хрестоматии, но и как надежную основу для большого русско-сербского словаря..." [4], остается в свете сказанного перспективным источником обогащения опыта и совершенствования практики словарного дела.

Литература

1. Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, с. 300–301.
2. Кошутич Р. Примери књижевног језика руског. I. Текстовн. 290 стр. II. Напомене. 225 стр. III. Речник. 359 стр. Београд, 1910.
3. Апресян Ю. Д. Толковый словарь нового типа как основа серии словарей // Современное состояние и тенденции развития отечественной лексикографии. Актуальные проблемы подготовки и издания словарей. Всесоюзная конференция. Тезисы докладов. М., 1988, с. 14–15.
4. Кошутич Р. Указ. соч. Т. I. с. XIII.

ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ
ПУРИСТИЧЕСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ
В СЛОВАРЕ В. МИХАЙЛОВИЧА
“ПУРИЗМЫ ОТ ОРФЕЛИНА ДО ВУКА”

1. Среди сербских исторических словарей разных типов несомненный интерес представляет словарь В. Михайловича “Пуризм от Орфелина до Вука”, изданный Матицей сербской небольшим тиражом (500 экз.) в 1992-1994 гг. Этот словарь в известной степени компенсирует отсутствие словаря славяно-сербского языка, над которым в течение многих лет работает группа ведущих югославских лексикографов, и может служить источником языковой информации в период его отсутствия. Примечательно, что проходившая в 1983 г. научная конференция “Проблемы сербскохорватской исторической лексикологии”, организованная Институтом сербского языка (Белград) и Матицей сербской (Нови Сад), а также статьи в сборнике “Лексикография и лексикология”, опубликованном по ее итогам (1984), показали актуальность и чрезвычайную сложность лексикографической разработки одного из важнейших периодов в истории сербской культуры и языка, различие подходов к осуществлению данного проекта. Словарь пуризм В. Михайловича отражает один из них.

2. Бытует мнение, что явление пуризма для литературного языка сербов характерно не было, что пуризм как особый феномен в истории литературного языка был свойствен только хорватскому литературному идиому, принявшему образцы языкового строительства от немецкого, венгерского и чешского языков. Это мнение поставил под сомнение или, по крайней мере, поколебал лексикографический труд В. Михайловича, представляющий собой двухтомное собрание славяно-сербских эквивалентов (пуристических инноваций), с помощью которых авторы-сербы передавали значения новых, часто непонятных иностранных слов, в огромном количестве проникавших из западноевропейских языков на страницы сербской печатной

продукции, особенно прессы и периодических изданий. Многие из иностранных слов заключали в себе новые для сербов понятия (напр., интуиция, фантазия, бесконечность, деморализация, анархия, конфискация, критерий, точка зрения, акцент, горизонт, кратер, театральный актер, магнит, набережная и т. д.), для которых необходимо было подобрать свой языковой эквивалент. Часто эти слова сохраняли написание языка-оригинала. Ср. несколько примеров из словаря В. Михайловича:

Само е дейщик [Schauspieler] едан... глас о победи његовой у театру...обявио (Новине српске, 1818); Скочио е млади Француз из очаянния у дубљину [Krater] Везува, што га една певачица ние миловати хтела (Српске новине, 1838); Државно сложенне [Constitution] е по духу народа устроено (Новине српске, 1818).

3. Период, указанный в названии словаря, — славяно-сербский — относится к одному из наиболее ярких в истории сербской культуры и представляет исключительное явление в истории литературного языка сербов. Своеобразие этого периода состоит в том, что он оказался между двумя историческими рубежами с диаметрально противоположными духовными ценностями. С одной стороны, он пришел на смену тому, более раннему периоду, который содержал мощный русско-славянский компонент (сербский XVIII в.), а, с другой стороны, он был приостановлен, прерван в своем развитии радикальным поворотом к всеобщей демократизации сербской культуры, связанной с реформаторской деятельностью В. С. Караджича. В то же время именно славяно-сербский период был промежуточным, а значит, в какой-то степени связующим между этими столь разными периодами в истории сербской культуры и литературного языка. Изучение эволюции словообразовательных, лексических и номинативных систем, функционировавших у сербов, требует более полного и равномерного описания всех уровней славяно-сербского языка, важного для характеристики динамики и типологии литературноязыковых процессов на сербской почве.

4. В докладе дан обзор основных характерных пластов славяно-сербского лексического фонда:

- а) слова, содержащие какую-либо характерную для славянизмов особенность (иногда это был результат контаминации славянизмов с народной лексикой);
- б) недостаточно адаптированные слова, проникавшие в произведения сербских авторов из западноевропейских языков в

результате активизации сербско-европейских цивилизационных связей;

в) самый богатый пласт лексического фонда составляли многочисленные пуристические инновации (своего рода "доморощенные слова") в сочетании с более или менее адаптированными турцизмами. Одни из них получили широкое распространение, другие можно считать окказионализмами или индивидуализмами, отражающими стремления их создателей обогатить лексический фонд литературного языка и его терминологию.

5. Словарь В. Михайловича составлен преимущественно из номинативных единиц третьего, самого богатого и характерного слоя славяно-сербского лексического фонда. Выборка пуризм, составивших корпус этого словаря, была осуществлена из 177 произведений сербских авторов – писателей и переводчиков, среди которых много выдающихся деятелей сербской культуры XVIII–XIX вв. (В. С. Караджич, Д. Обрадович, З. Орфелин, Й. Раич, П. Соларич, С. Текелия, Г. Трлаич, М. Видакович, Й. Хаджич, А. Стойкович и др.). Среди использованных книг и журналов наиболее ранний источник относится к 1700 г. (Српска општина у Будиму), самый поздний источник (Магазин за художество, книжество и моду) – к 1893 г. Период, заключенный между этими границами, представлен в источниках неравномерно. Большую их часть составляют издания конца XVIII в. до 60-х гг. XIX в.

6. В докладе в центре внимания будет прежде всего отвлеченная (абстрактная) лексика словаря пуризм, поскольку, оказавшись на магистральных направлениях номинативных процессов, именно она наиболее показательна для характеристики словарного состава славяно-сербского языка. Выявляются ее словообразовательные типы и способы словообразования.

Многие пуристические инновации, используемые в качестве эквивалентов иностранных *nomina abstracta*, оказались в славяно-сербском языке больше слова (лексемы) и представляют многословные номинативные единицы. Их состав и структура также рассматриваются в докладе.

7. Анализ показывает, что в "беспорядке и хаосе" славяно-сербского словообразования и номинации были, тем не менее, своя системность, центр и периферия, импульс от которых был передан следующему литературному идиому, пришедшему на смену славяно-сербскому языку в результате реформаторской

деятельности В. С. Караджича.

8. Несмотря на имеющиеся недостатки, которые будут отмечены в докладе, словарь пуризов В. Михайловича является первым и пока единственным специальным словарем славяно-сербского языка. Его материал убедительно показывает, что австрийских сербов не могли не затронуть общие для всего культурного пространства Центральной Европы процессы, в том числе и пуризм в области языкового строительства. Сербский пуризм, и это также показывает материал словаря В. Михайловича, наряду с универсальными чертами имел и региональные особенности. Это малоизученное явление в истории литературного языка сербов, объединившее их в середине XIX в. с другими народами Центральной Европы, особенно с их ближайшими соседями, глубже исследовано с помощью именно словаря В. Михайловича.

В. В. Усачева (Москва)

ВКЛАД Я. Ф. ГОЛОВАЦКОГО
В УКРАИНСКУЮ ЛЕКСИКОГРАФИЮ

Эпоха славянского национального возрождения характеризуется пробуждением интереса к народу, его языку, культуре, осознанием его самобытности и национальной индивидуальности, попытками воспрепятствовать ассимиляции своего народа, его духовному порабощению. Эти тенденции проявляются в конкретных действиях по кодификации языков и созданию на их основе национальной литературы, понятной народу. Литература на родном языке – один из главнейших факторов, способствующих пробуждению национального самосознания. Язык же является элементом духовной культуры, цементирующим народность, нацию. В одной из своих работ Й. Добровский подчеркивал, что деревня является хранительницей традиционной народной культуры, поэтому лексикографам важно общаться “с сельским населением, чей язык не испорчен, как это имеет место у людей, живущих в городе”. Был ли знаком Яков Головацкий с этими высказываниями патриарха славистики? Так или иначе интерес к языку народа проявился у него очень рано, что нашло отражение во всех его начинаниях, планах и осуществленных проектах.

Как ученый Я. Головацкий формировался под воздействием славянофильства Й. Добровского, П. Й. Шафарика, В. Ганки и колларовской теории славянской взаимности. В то же время в национальном возрождении славян немаловажную роль сыграли идеи И. Г. Гердера о самобытности языка и культуры славян, о их роли в историческом развитии человечества. Нашли в среде возрожденцев отклик призывы немецкого философа сохранять и развивать все языки, какие существуют в мире, причем каждый из них не должен развиваться за счет другого, недопустима экспансия одного языка на территорию другого. Язык, являющийся сокровищницей эмоциональной жизни человека, его теоретической мысли, нужно охранять от посягательства извне, от угрозы исчезновения.

Эти идеи были близки Головацкому. Он, как и многие его современники – славянские будители-просветители, стремился решить две главные проблемы – возрождение своей нации и общеславянское единение.

Интерес к языку, к слову народному виден в самых ранних работах галицкого ученого. Так, в альманахе “Вінок русинам на обжинки” он помещает материалы лингвистического характера. Среди них диалектные названия времен года, месяцев (с параллелями из других славянских языков, а также из германских и романских, с попыткой их этимологизации), дней недели, названия календарных праздников (Коляда, Щедрий вечір, Купайло) с указанием, когда они отмечаются. Статья “Слова вітання, благословенства, чемності і обичайності у русинов” содержит пробу описания речевого этикета: слова приветствия, прощания, ответы на них в разных ситуациях (приход гостя в дом, встреча на дороге, в поле при работе), пожелания здоровья и добра, приглашение к столу, поговорки, употребляемые при встрече, прощании, во время беседы дома и в гостях. Материал подан в виде почти готовых словарных статей с лингвистическим комментарием: указывается причина, почему выбран тот или иной вариант этикетного клише, например, обусловленность выбора возрастной иерархией, семейными отношениями, полом, условиями коммуникативного акта. Та же методика присутствует и в собрании “Народные песни Галицкой и Угорской Руси” – постоянное внимание к лексической стороне собранных материалов. Многие комментарии к песням содержат подробно разработанные словарные статьи.

Работал Головацкий и над созданием собственно словаря, названного им “Материалы для словаря Малорусского наречия, собранные в Галиции и Северовосточной Венгрии”. Строится он по четко выраженному дифференциальному принципу (о чем свидетельствует и заглавие) и является, по мысли автора, дополнением к словарям, изданным Вторым отделением Императорской Академии наук (включая “Опыт областного словаря великорусского наречия” 1852 г.). Словарь остался незавершенным, а часть его (буквы А–З), содержащая около десяти тысяч реестровых слов, была опубликована только в 1982 г. в Научном сборнике Музея украинской культуры в Свиднике. Этот ценный лексикографический труд отражает специфику и особенности словарного состава украинских говоров карпатской зоны. Он является одним из первых диалектных словарей, который в

значительной мере отражает не только лексико-семантическую систему юго-западных говоров украинского языка, но и фразеологию, акцентную систему этих архаичных диалектов, своеобразие морфологии и словообразования (например, обилие эмоционально-экспрессивных образований). Труд Головацкого может быть причислен к словарям, имеющим этнолингвистическую направленность, так как дает надежный материал для исследований духовной культуры населения карпатского региона.

II. ДИАЛОГ КУЛТУР В СЛОВАРЯХ РАЗНЫХ ТИПОВ

К. Б. Станева (София)

СЛОВЕСНИЯТ ОБРАЗ НА БЪЛГАРСКАТА МЕНТАЛНОСТ В "РЕЧНИКА" НА НАЙДЕН ГЕРОВ

Найден-Геровият "Речник на българския език" е замислен, осъществен и възприеман като документ за културната автентичност на българите, проектиран е от автора като "паметник, от който да се види какъв е бил българският език в народа". Оригиналната лексикографска концепция добива видимост и акцентираност в селекцията на илюстративния материал за отделните речникови статии. Изразите, пословиците, клетвите, благословиите, песните са записвани "из устата на народа" и само в отделни случаи са взети от публикувани сборници с народни умотворения. Богатото цитатно онагледяване явява конотативните сводове на езика, открива метафоричността, картинността, поетичността на народното мислене.

ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА ДРЕВНЕРУССКОЙ ПЕРЕВОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Древнерусская литература насчитывает значительное количество переводных произведений, повествующих о жизни разных народов. При переводе этих произведений на древнерусский язык преимущественно с греческого имеет место соприкосновение различных культур. Оно представлено также в исторических словарях русского языка, описывающих лексику того или иного периода истории русского языка, включая лексику переводных произведений.

Одним из интереснейших сочинений, служащим едва ли не единственным источником сведений о взятии Иерусалима, является "История иудейской войны" Иосифа Флавия. Ее древнерусский перевод появился в XII в., хотя памятник известен только в более поздних списках XV–XVII вв. В первой из семи книг повествуется об Ироде Великом, который, среди прочего, прославился своей государственной деятельностью. Возрожденные и вновь построенные им в 15-й год правления города подробно описаны в XXI главе.

Особенностью древнерусского перевода по сравнению с греческим текстом является наличие пропусков, вставок, частичного изложения (а не перевода) текста. Так, например, очень подробному описанию перестройки города Стратонова Башня в древнерусском соответствует лишь краткое упоминание об этом. В других случаях имеем большее или меньшее соответствие двух текстов.

Структура городов, описываемых Иосифом Флавием и существовавших на Руси, на родине переводчика, при значительном различии включала также аналогичные или близкие объекты. Среди последних можно назвать сам город, храм, дворец, крепость, стену/ограду, башню, здание/строение, рынок. Греческо-древнерусские соответствия в этих случаях таковы: ἡ πόλις – градъ, ὁ ναός – църкы (церковь), τὸ βασιλείον – полаты, ἡ περιβολή – околь, ὁ πύργος – сынъ, ὁ οἶκος – хранина, ἡ ἀγορά –

торговище. Понятие *крепость* в зависимости от типа сооружения передается по-разному: τὸ φρούριον – **хранилища**, τὸ χαράκωμα – **острогъ**. Заимствования из греческого языка для обозначения этих понятий единичны (**полата** < τὸ παλάτιον).

Лексема **сынъ** 'башня', свойственная старославянским и некоторым древнерусским памятникам, в списке Виленского хронографа (XVI в.) имеет пояснение **вежа**, которое характерно для собственно русских источников.

Ряд названных Иосифом Флавием сооружений не имел эквивалентов в древней Руси. Среди них *колоннада, театр, амфитеатр, гимнасий, статуя*. Переводчик выходил из положения разными способами: а) использовал уже имевшееся заимствование, которое приобретало новое значение (**комара** – ἡ στοά 'колоннада, крытый ход с колоннами'); б) распространял заимствование на другие объекты (**иподрумие** передавало греч. τὸ θέατρον, ἄμφιθέατρον, τὸ γυμνάσιον); в) пользовался описанием (**сто^лпъ кама^нъ постави на не^м цесара** – κολοσσὸς Καίσαρος); г) использовал в новом значении исконную лексику (**сждище** – ἡ ἐξέδρα 'зал; галерея, портик').

Таким образом, в переводной литературе для обозначения реалий и понятий, свойственных другой культуре и имеющих аналоги в древней Руси, могла использоваться исконная и заимствованная лексика. В переводе "Истории иудейской войны" Иосифа Флавия часть ее (**комара, хранилища, сждище, околь**) приобретала значение, не отмечаемое словарями в других источниках.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ДВУЯЗЫЧНЫХ СЛОВАРЕЙ

1. Всякий двуязычный словарь представляет собой "диалог двух культур". Но особое значение должно быть уделено соотносительности языковых фактов с культурой говорящих на них народов в больших двуязычных словарях, охватывавших значительные пласты лексики. Можно выделить ряд типов расхождения между языками и культурами, существенных для двуязычной лексикографии.

2. Различное членение одних и тех же фрагментов мира. Это проявляется в объеме значения слов и полезно с помощью пояснений и примеров показать эти различия. Например, французскому глаголу **jeter** соответствуют не только **бросать, кидать, швырять** с разными экспрессивными оттенками, но и **выбросить, забросить, перебросить, отбросить** и т. п., с различными пространственными префиксами, уточняющими действие. Целые микросистемы слов различно членят действительность, например, глаголы, обозначающие приготовление пищи: франц. **cuire, rôtir, frige** и русск. **варить, жарить, печь**. В зависимости от объема и назначения словаря необходимо показать расхождение семантики лексем в подобных случаях с помощью пояснений или примеров.

2. Различная символизация сходных слов в двух языках. Она проявляется в коннотациях данного слова, в его переносных значениях и в связанных с ним фразеологических выражениях. Например, слово **barbe** 'борода' во французском языке ассоциировалось с понятием "мудрость", откуда выражение **jeune barbe** 'молодой неопытный человек' (буквально 'молодая борода'). В слове **boeuf** 'бык, вол' актуализируются такие качества животного, как сила, вес, размеры, упорство. Выражение **un succes boeuf** значит 'колоссальный успех'. Полезно специально указывать в словаре подобные коннотации слова.

3. Реалии жизни того общества, которое пользуется исходным языком. Эти реалии весьма разнообразны. Дополнительные

сложности возникают в том случае, когда данный язык обслуживает ряд культур (французский язык во Франции, Бельгии, Канаде, Африке и т. п.; английский в Англии, США и т. п.). Можно выделить следующие типы таких слов:

а) "Институционализмы": политические, административные, экономические реалии. Здесь следует обращать особое внимание на "ложных друзей", поскольку нередко под сходным термином скрываются различные реалии. Еще Л. В. Щерба отмечал, что русское **прокурор** не совсем то же, что французское **procureur**, и если суть дела значительно расходится, то тоже следует давать пояснения. **Confédéré** в Швейцарии – "гражданин другого кантона".

б) Специфические явления в технике. Например: **canadair** *специальный самолет для тушения пожаров*.

в) "Народная таксономия": обозначения обычаев, предметов быта, блюд, растений и животных, ремесел и т. п., свойственных данной стране.

г) Явления культуры, идеологии, религии, свойственные данной стране. Даже расхождения между католицизмом и православием внутри единой христианской религии ставят сложные задачи перед лексикографом. Так, **la Semaine sainte** – это **Страстная неделя**, тогда как **la Semaine de la Passion** – **неделя, предшествующая Страстной**.

Целесообразно пояснять в словаре понятия фольклора и их коннотации (например, **Баба Яга** с ее **избушкой на курьих ножках** и т. п.). Особое внимание следует уделять историческим реалиям, нужно указывать время, к которой она относится. При обозначениях единиц мер нужно указывать их значения в метрических единицах.

д) Особую группу в системе культуры составляют характерные поведенческие реалии, словесные реакции повседневного быта, формулы этикета и т. п. Полезно пояснять ситуации, в которых реализуются подобные формулы.

в) Ксенизмы: каждый народ по-своему заимствует реалии и слова из других языков (наименования экзотических плодов и животных, жанров искусства и т. п.).

Как дополнительный материал целесообразно включать в словарь собственные имена, которые могут различаться в языках (например, **Гомер**, **Омир**, **Номере**), а также названия произведений национальной и общечеловеческой культуры.

4. Способы лексикографической обработки слов-реалий: при-

близительный перевод с помощью аналога в языке перевода; разъяснительная интерпретация; транскрипция; комментарий в скобках; один комментарий в скобках без эквивалента; иллюстрации.

5. Систематическая лексикографическая разработка лексики с социокультурным потенциалом закладывает основы для создания специализированного словаря культуры.

ФРЕНСКО-БЪЛГАРСКИЯТ РЕЧНИК
НА Д-Р ИВАН БОГОРОВ ОТ 1869 ГОД. –
ОПИТ ЗА ОБОГАТЯВАНЕ НА БЪЛГАРСКИЯ КНИЖОВЕН
ЕЗИК И ЗА ПРИОБЩАВАНЕ КЪМ ФРЕНСКАТА КУЛТУРА

Макар и без специална филологическа подготовка, воден само от дълбоко родолюбие, бележитият български книжовник д-р Иван Богоров съставя и издава във Виена през 1869 г. своя Френско-български речник, който по-късно претърпява още две издания (1872, 1884). Постоянно загрижен за народното „просветение“, той добре е разбирал острата нужда от речници, от които да се ползват „българските момци“, когато усвояват западните езици. „Посредством познанието на френския език един народ може по-лесно и по-скоро да влезе в пътя на образованието и просветението, и най-вече такъв, на когото книжнината са намира още в нейните пелени“ – пише авторът в предисловието на речника.

Значението на Богоровия Френско-български речник може да се определи, само след като се вземе пред вид състоянието на българската лексикография по време на излизането му от печат. Появилите се преди него двуезични речници са всъщност неголеми списъци от думи (няколко хиляди на брой), подредени по азбучен ред и преведени доста елементарно на съответния език. Пръв успешно се справя с почти непосилната задача да състави един *богат словник на тогавашния български език* д-р Иван Богоров. При неговото изработване авторът е трябвало да преодолее огромна трудност – да намери български съответствия на повече от 35000 френски думи. Към тази мъчно изпълнима за онова време цел той е подходил по няколко начина.

Голяма част от френските думи д-р Иван Богоров превежда с обикновени български *народни* думи, които точно им съответствуват. Така постъпва, когато предава на български език названия на предмети от бита и свързани с тях качества.

В други случаи авторът на речника е приспособил за съответните френски думи налични *народни* думи, на които обаче се е

наложило да разшири значението. Към това го подтиква френският език, притежаващ изградени вече книжовни функции – несравнено по-сложни от функциите на българската народна реч.

По-рядко при превода от френски д-р Иван Богоров използва и книжовни български думи, обикновено абстрактни съществителни на -ство, -ост (-ност) или отглаголни съществителни на -ние.

Когато не открие търсеното българско съответствие всред известните му народни или книжовни думи, д-р Иван Богоров прибегва към словотворчество. Френско-българският речник изобилствува с неологизми, които невинаги са сполучливи. А когато независимо от находчивостта си авторът не е намирал необходимата точна или близка по значение българска дума, той е използвал и *описателен превод*.

Следвайки френските речникови образци, д-р Иван Богоров без съмнение заимствува от тях и лексикографския си апарат, който е значително по-усложнен от този на неговите предшественици – български лексикографи. След граматичните квалификатори той се старее да дава редовно и стилистичните бележки на думите, да отразява преносните им употреби, съчетаемостта (рекцията) им и т. н.

На основата на Френско-българския речник от 1869 г. д-р Иван Богоров съставя и издава през 1871 г. Българско-френски речник.

Когато се оценява Френско-българският речник от 1869 г., важен момент от целокупното дело на д-р Иван Богоров, един от видните строители на нашия книжовен език през XIX в., значимостта му би трябвало да се търси в две насоки:

а) Обогаляване (не толкова количествено, колкото *функционално*) на речниковия състав на оформящия се, стремящ се към по-висока степен на обработеност, български книжовен език – в резултат на взаимодействието си с френския;

б) Стремение към постигане равнището на западноевропейските речници-образци (макар и въз основа на двуезичната лексикографска практика), с което се съдействува за развитието на българската лексикография.

Е. Э. Бабаева (Москва)

**“СТАЛИ МЫ ВДРУГ НАРОД УЖЕ НОВЫЙ...”
(О СЛАВЯНО-ФРАНЦУЗСКОМ ЛЕКСИКОНЕ
А. КАНТЕМИРА)**

Во многих культурах лексикография обретает себя при переходе от практики глоссирования, т. е. соположения слов на фоне контекстно реализованного значения в тексте, к составлению тематических (переводных) словарей, в которых лексические единицы уравниваются на фоне экстралингвистического пространства в пределах семантически заданных границ. Словари, построенные по тематическому принципу, позволяют сопоставлять представления о мире, воплощенные в языковых единицах. За интерференцией языковых систем всегда стоит интерференция картин мира. При снятии семантических границ, ориентирующих на тот или иной фрагмент внеязыковой действительности (т. е. при переходе от тематического словаря к собственно двуязычному), проблема переводимости экстралингвистического текста остается, хотя становится менее очевидной. В двуязычных словарях лексическая система одного языка (словник) толкуется при помощи лексических средств другого языка (метаязык). При соотношении словника с метаязыком (разворачивающимся в параллельный словник) происходит движение от слова к слову (при совпадении денотата), от слова через денотат к толкованию или слову (при выявлении несовпадающих фрагментов картины мира). В первом случае можно говорить о собственно переводе, во втором – об освоении чужеродного объекта/явления путем его экспликации (нейтральная позиция) или включении в “свою” систему на языковом уровне (позиция принятия), причем аналог порождается за счет внутренних ресурсов метаязыка либо представляет собой заимствование (в этом случае слово соплагается с самим собой, меняя лишь фонетическую и/или графическую оболочку). Позиция неприятия денотата выражается в невключении лексемы, обозначающей его, в словник. Таким образом, при составлении двуязычного словаря речь идет о выборе, т. е. о

процессе в разной степени представленной идеологизации языка.

После бурного периода становления русского литературного языка нового типа (на разговорной основе), проходившего в петровскую эпоху, возникла необходимость определить его статус в кругу европейских языков и статус русской культуры среди европейских культур. Методами лексикографии эта задача интересно решается А. Д. Кантемиром, который известен своими культуртрегерскими позициями. Частью рукописного наследия А. Д. Кантемира является русско-французский трехтомный словарь (хранится в РО РГБ, обнаружен Б. А. Градовской). Словарь, создававшийся, вероятно, в 30-е гг. XVIII в., предназначен для франкоязычного читателя и имеет целью, во-первых, ориентировать иностранца в книжной и разговорной языковой стихиях и, во-вторых, продемонстрировать возможности русской культуры как равной собеседницы французской культуры. Словник лексикона как бы очерчивает границы культуры, которая складывается из современных А. Кантемиру западно-европейских представлений об энциклопедичности знаний. При наложении двух абрисов культурных и бытовых реалий выявляются области полных и частичных *несовпадений*.

К области полных *несовпадений* относятся номинации предметов и явлений, незнакомых адресату словаря. Эту асимметричность А. Кантемир не старается преодолеть (т. е. он отказывается от подбора французского эквивалента, но подробно разъясняет фрагмент внеязыковой реальности) – он изменяет при этом код метаязыка: механизм перевода на метаязык переключается на механизм построения нарративного текста на метаязыке (иначе говоря, двуязычный словарь трансформируется в толковый).

С точки зрения противопоставленности культур России и Франции центральным пунктом расхождения являлась конфессиональная область, содержащая наряду с общими реалиями и понятиями зону *несовпадений* между православием и католичеством, закрепленную в языке. За пределами знака равенства, установленного между соотносимыми основополагающими представлениями ("Иисус... Jesus" – [II, л. 3]), можно выделить наименования собственно католических и собственно православных понятий и реалий. По отношению к этой лексико-семантической группе принцип, проводившийся А. Кантемиром при представлении выявленных интерференцией зон полного *несовпадения* (а именно, экспликация "чужих" для адресата

денотатов при опущении “чужих” для носителей языка-объекта описания денотатов), перестает действовать. Возникшая в данном случае асимметрия преодолевается последовательным введением номинаций, относящихся к миру католицизма, и уравниванием их с номинациями, функционирующими в мире православия, а также единым подходом к их метаязыковому представлению.

При соотнесении таких номинаций А. Кантемир прибегает к нескольким способам преодоления асимметрии на языковом уровне.

1. Понятие или явление, свойственное католицизму, получает лексический эквивалент, т. е. создается видимость перевода на метаязык (а следовательно, и видимость существования института в культуре), тогда как реально в большинстве случаев происходит обратный пересчет – с языка описания на язык-объект описания, например, “папа Pape”, “папештво Papauté”, “папистъ Papiste” [III, л. 7], “папствую faire les fonctions d'un pape” [III, л. 8], “безпогрѣшность папской Infallibilité du Pape” [I, л. 56], “кардинал... Cardinal” [II, л. 130б.], “меса... La Messe” [II, л. 133], “капела... Chapelle” [II, л. 12]. На л. 545об. [I] рукой А. Кантемира вписаны следующие слова: “инквизиція, инквизиторски, инквизиторскія, инквизиторша, инквизитор”, видимо, перевод к ним предполагалось внести позже.

2. Понятие или явление, свойственное православию, переводится на французский язык, при этом утрачивается его специфическое значение или устанавливается неправильное соответствие, например: “клирость... в. клирь” – “клирь... Clergé” [т. е. слову клирос приписывается значение ‘духовенство’ – II, л. 30], “діакъ... Commis. Clerc. Tonsuré” [т. е. слову дяк приписывается значение ‘пстриженник’ – I, л. 299]. Следует отметить, что эта группа слов значительно уступает по количеству предыдущей группе.

3. Между понятиями и явлениями, функционирующими в разных конфессиональных сферах, ставится знак равенства, что также снимает расхождения (на языковом уровне), например: “капелмейстер... в. уставщик” [I, л. 12], “агнецъ... l'Ostie” [I, л. 50б], “обѣдня... Messe. Liturgie” [II, л. 284], “жертвенникъ... Autel. Sanctuaire” [I, л. 385], “игумень... Abé” [I, л. 508], “мірской погъ Pretre seculier” [II, л. 140], “јеромонахъ... Pretre regulier” [II, л. 3], “кирка... Eglise” [II, л. 23].

Ряд слов, относящихся к церковному обиходу, получает в лексиконе предельно размытое, неконкретное толкование, например:

“Акаѳистъ... Certaine priere Ecclesiastique. Acathiste” [I, л. 8], “охтоихъ в. осмогласникъ. осмогласникъ... Livre Ecclesiastique ainsi nommé” [II, л. 369], вероятно, как необходимые для адресата словаря лишь для общей ориентации.

Таким образом, из лексикона вырисовывается образ культуры, имеющей свою специфику на уровне бытовых реалий, но полностью освоившей все богатство европейских культур в области мифологии, научно-энциклопедических познаний и, главное, исповедующей ту же идеологию, что и французская культура. Для утверждения статуса традиционного литературного языка (церковнославянского) требовались доказательства православности культуры, говорящей на нем (что на языковом уровне выразилось в распространении разного рода грецизмов). На данном этапе, с переменой в ориентации и обращением к новым ценностям и стремлением преподнести свою культуру как ценностную, один из путей движения виделся не просто в копировании иной языковой ситуации и открытости по отношению к заимствованиям, но и в преодолении разрыва между католицизмом и православием. Этот путь чисто лексикографическими средствами намечен А. Кантемиром.

ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ “ДИАЛОГА КУЛЬТУР” В СПЕЦИАЛЬНОМ ПОЛИДИАЛЕКТНОМ СЛОВАРЕ КАРПАТСКОЙ ЗОНЫ

1. Основание для соположения Языка и Культуры (в частности, в теме “диалог культур и словари”) онтологично по своему характеру. В ситуации своих высших проявлений “язык уже не может рассматриваться только как план выражения культуры, мыслимой как содержание, реализующееся в языке. Сами границы между языком и культурой становятся достаточно условными, поскольку язык начинает выступать как важнейший фактор самой культуры... каждый элемент языка перестает быть равным самому себе и обретает способность, моделируя мир, творить его запово... Язык и культура связываются друг с другом в таком таинственном глубинном единстве, в котором “языковое” и “культурное” может быть отделено друг от друга лишь условно и отчасти” (В. Н. Топоров).

2. В плане изучения некоторых сторон “диалога культур” интерес представляет, например, юговосточноевропейский (=карпато-балканский) регион. Здесь, благодаря интенсивным исследованиям последних десятилетий, выявлены и стали предметом систематических разысканий (по специальным программам – ср. деятельность МКККБ) некоторые составляющие указанный ареал историко-этнографические области (синхронно репрезентированные ареальными культурными общностями), возникшие в результате особенностей социально-экономического развития, длительных связей, взаимодействий и интерференции различных этнокультурных компонентов. Эти общности, характеризующиеся набором общих черт в сфере материальной культуры (=орудия труда, производственные навыки и др.), практикуемых хозяйственно-культурных типов, а также в традиционной духовной культуре – вместе с тем определяются как полиэтнические (resp. полилингвальные). Тесные связи карпатской зоны с балканской, несомненно, существовавшие и в древности (ср., в частности, следствия миграции предков южных славян через Карпаты на

Балканский п-в в первые века н. э.) – укреплялись затем в ходе более поздних передвижений населения в обратном направлении (ср. “валашскую колонизацию” – колонизацию на основе валашского права в Карпатах в Средние века (Ю. В. Бромлей; Г. П. Клепикова). Таким образом, сохраняющееся ныне известное внутреннее единство карпато-балканской макрзоны возникло как суммирование указанных выше, противоположно направленных, волн исторических миграций (и, следовательно, сменой со временем положений *центра* – *периферии* в процессе иррадиации соответствующих явлений).

Именно поэтому некоторые общие характеристики, сформулированные первоначально в отношении балканской зоны, оказываются справедливыми и для карпатской. Таковыми, например, являются: принципиальная разомкнутость, открытость во времени и пространстве, реализующаяся прежде всего в *мирных* процессах миграции и колонизации, и – как следствие – возрастание локальной дифференциации (и усложненности) хозяйственно-культурных типов, – поскольку “решаются не только жизненно важные экономические задачи, но и осуществляется *культурная* трансплантация” (В. Н. Топоров); это повышает эффективность взаимодействия, *диалога* (и – полилога) культур (resp. языков), в ходе которого осуществляется некий синтез “своего” и “чужого”, который понимается не как полная переработка участвующих в нем элементов, но как своего рода констелляция исходных элементов, “*федерация*” разных смыслов ради хотя бы на время возникающего единого и общего Смысла” (В. Н. Топоров).

Для сформулированной нами темы представляет интерес особый тип словаря – “глоссарий”. Он характеризуется (1) такими параметрами, как “полиязычность” и “диалектность”: этот тип полидиалектного словаря реализуется путем обработки материалов ОКДА, – атласа, посвященного изучению генетически гетерогенного диалектного континуума в карпато-балканской макрзоне. Словарь (первые выпуски опубликованы в 1989 и 1992 гг.) не является простым “индексом” лексико-словообразовательных форм в соответствующих томах Атласа, поскольку, помимо этих данных, он содержит и тщательное описание семантики всех лексических единиц (ориентация на что была заложена уже в Вопроснике ОКДА, благодаря тому, что более половины всех вопросов – “от слова к значению”). Последнее, кстати, принципиально отличает наш Словарь от таких,

внешне близких, лексикографических трудов, как "Дикционар диалектал" (I-VI, Кишинэу, 1986-1989, под ред. Р. Удлера); V. Cazacu. Dicționar dialectal. Oltenia (București, 1967) и др.; (2) чрезвычайно высокой степенью концентрации терминологической лексики (относящейся к материальной и духовной культуре), что также предопределено задачами самого Атласа и что, одновременно, повышает его возможности в изучении лингвистической стороны "диалога культур"; (3) в качестве *метаязыка* в Словаре выступает русский язык (а не один из языков карпатской зоны), что позволяет отразить и анализировать специфически карпатскую лексику (и семантику) как бы "извне", особым образом - не с помощью синонимов, а с помощью блоков-клише, которые вместе с тем являются результатом "инвариантизации" конкретных описаний семантики при анкетировании. В самом Атласе это дает возможность представить зафиксированную в диалектах разных языков ареала информацию (в том числе по семантике) в сопоставимом виде, - в виде *ареалов* (а не "атомарных", уникальных фиксаций). В Словаре это позволяет выявить некоторые закономерности отражения в языке (в лексике и семантике) механизма "диалога культур". Так, метаязык выступает в Словаре не только в качестве оформителя "содержания "диалога культур", но и в качестве понимающего и интерпретирующего его; метаязык может быть идентифицирован с конструктом, именуемым М. Бахтиным "наадресат", поскольку "метаязык... всегда диалогически относится к тому языку, который он описывает и анализирует".

4. Определение сущности диалога культур исходит, таким образом, из того, что (1) "чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже... Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом" и (2) диалогизирующие культуры "не сливаются, не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и открытую цельность, но они взаимно обогащаются" (М. Бахтин). Лингвистическим выражением этих сложных процессов взаимодействия является, с одной стороны, создание и функционирование в генетически гетерогенном континууме диалектов зоны Карпат некоего *общего* фонда однокоренных лексем (относящихся иногда к *разным* терминологическим разрядам), имеющих в части языковых идиомов статус заимствования и характеризующийся относительно высокой *фреквентностью* (пространственно - большей величиной ареала), а, с другой, -

существование локальных единиц (с тем же корнем), обладающих малой частотностью (=малые ареалы и единичные фиксации); при этом они могут обнаруживаться как в языках-источниках иррадиации (и в силу "периферийности" в лексической системе не заимствовались), так и в языках-реципиентах (и могут оцениваться как результат самостоятельного развития). Некоторые аспекты лингвистических последствий "диалога культур" в карпатском ареале – как их отражает Словарь ОКДА – иллюстрируются на примере таких лексических единиц, как **+Car()**k, **+sAlAŠ**, **+OkOl**, **+OЖG**, **+vatra**, **+bosor=**.

СКРЫТЫЕ МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОНФЛИКТЫ В ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Составитель диалектного словаря является, как правило, носителем культуры, лишь частично совпадающей с культурой, которую отражает объект описания (диалект). Первая из них — это в наше время достаточно высокотехнологичный городской европейский стандарт, обслуживаемый наддиалектными формами языка, мало зависящий от внешних “натуральных” обстоятельств, хотя и помнящий о своей корневой этнической специфике; вторая — намного более консервативная традиция, сильно привязанная к природным условиям, хотя и испытывающая значительное влияние со стороны первой.

Однако лексикограф-диалектолог отнюдь не всегда с необходимой трезвостью оценивает дистанцию, разделяющую его (“наддиалектную”) культуру и культуру, стоящую за идиомом-объектом (данным диалектом или совокупностью диалектов, если дело касается создания интегрального диалектного тезауруса типа “Словаря русских народных говоров”; в последнем случае нужно говорить о множественности культур-объектов, ср. существенные этнографические различия между, скажем, севернорусскими поморами и терскими казаками). Более того, вполне можно допустить, что в подобных случаях некоторые из различий, существующих между культурами, связанными с языком описания, с одной стороны, и с идиомом-объектом, с другой, могут вообще не достигать “светлого поля сознания” лексикографа, что в крайнем, нежелательном варианте приводит к безотчетному отождествлению несовпадающих моментов отражаемых ими “картин мира”. Обозначенная ситуация отличается от той, которая в идеале реализуется при составлении двуязычного переводного словаря: заведомая разница между языками диктует лексикографу и особое внимание к различиям своей и чужой культур. Если же дело касается диалектной лексики, то “своеязычность” описываемого говора может притуплять у исследователя и составителя словаря остроту взгляда, необходимое чувство дистанции

иной раз может не сработать, а бессознательная переоценка сходства влечет за собою ошибочные лексикографические решения (в частности, неточные, а иной раз и совершенно неправильные, толкования лексических значений).

В качестве примера можно сослаться на толкование фразеологизма курск. **молить корову** в СРНГ (вып. 14, с. 350): 'обряд моления за отелившуюся корову и теленка, совершаемый старшей женщиной в доме' (со ссылкой на словарь Бурнашева), где опущено имевшееся в источнике (и подтверждаемое множеством аналогичных описаний) указание на непременною и главную составляющую ритуала – приготовление каши на молоке очистившейся после отела коровы и семейную трапезу, со скормливанием части каши новотелке. Ритуал "моления коровы" представляет собою не столько молитву, как то "извлекается" из его диалектного наименования, сколько именно трапезу, в которую исторически трансформировалось древнее жертвоприношение (ср. **молить** 'колоть, резать (скотину, птицу)', **моления** 'убоина', фразеологизмы **молить кашу**, **моленая кутья**, **моленое пиво**, **за семь верст киселя молить** и т. п.). Толкование 'молитва, обряд моления (за...)', с исключением важнейшего компонента ритуала, вызвано автоматическим перенесением на ситуацию, чуждую культурным навыкам и представлениям лексикографа, единственного значения глагола, функционирующего в литературном языке (над- или даже "мимо-"диалектная формация) и современной стандартной культуре.

Причины подобных ошибок составителей региональных словарей – не в незнании реалий народной культуры как таковой, но прежде всего в культурной инерции и предвзятости, в установочной недооценке межкультурных дистанций.

Еще более яркое несовпадение между культурным явлением и его описанием в диалектном лексиконе – уже не раз затрагивавшийся случай с обрядовым термином-фразеологизмом **обыдённая рубаха**. В двух сибирских региональных словарях (Н. Т. Бухарева, А. И. Федоров. Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири. Новосибирск, 1972, с. 130; Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск, 1979, с. 346) оно иллюстрируется следующей диалектной записью: "Трясовица [лихорадка. – А. Ж.] раньше ходила, так женщины в один день лен намяли, напряли и рубашку сшили, это **обыдённая рубаха**". Более чем прозрачный контекст должен был натолкнуть составителя

словарной статьи на мысль о том, что описываемая реалья народного быта представляет собою нечто особенное, культурно отмеченное (**обыдённый** – ‘однодневный, изготовленный в течение одного дня’ и вследствие этого нередко ‘обладающий особой чистотой, позволяющей использование (данной реалии) в ритуальных, очистительных целях’, ср. **обыдённый храм, обыдённое полотенце** и т. п.). Между тем в упомянутых словарях приведенное выражение получило толкование ‘рубашка, быстро и просто сшитая из домотканого полотна для повседневной носки’, – при том что в русских диалектах значение ‘повседневный, заурядный’ слову **обыдённый** неизвестно вовсе.

Как и в первом примере, здесь “своеязычие” диалекта заслонило в глазах лексикографа различия между элементами его (стандартной) культуры, вербально обнаруживающей себя в литературном языке, и культуры традиционной. Истоки ошибочного толкования – не в неосведомленности о тех или иных народных обычаях (хотя это, как можно судить, имеет место), но прежде всего в неосознании разности культур, несовпадения их элементов, даже если последние характеризуются близостью их лексических обозначений, в недооценке того обстоятельства, что обладание общим кодом отнюдь не свидетельствует об идентичности культур: тождество на лексемном уровне далеко не предполагает сходства концептов, стоящих за формально совпадающими единицами.

Этнографическому знанию никогда не суждено быть совершенным, и незнакомство с теми или иными явлениями народной культуры, требующими своего отражения в диалектном лексиконе, нельзя считать принципиальными корнями межкультурных конфликтов, возникающих в лексикографической практике. Подобные конфликты могут ослабляться или предотвращаться лишь исследовательской установкой, при которой описываемая через лексику традиционная народная культура трактуется лексикографом в качестве “чужой”, как бы тому ни противилось его сознание, естественно тяготеющее к представлениям о культурном единстве этноса.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭСТЕТИЧЕСКИХ
ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ
(ГРЕКО-ЛАТИНСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ
И КУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ)

1. До сих пор остаются не разъясненными два вопроса, имеющие центральное значение для понимания процесса формирования эстетических представлений в латинском языке: во-первых, соотношение греческого влияния и индоевропейского культурного наследия, во-вторых, этапы развития эстетических представлений в литературном языке. Понятие эстетической красоты выражается в латинском языке преимущественно прилагательными; исключив из их числа те, которые имеют ограниченную сферу употребления, напр. **amoenus** (о ландшафте), **uenustus** (о движениях, походке), а также те, употребление которых в значении "эстетически красивый" ограничено определенными авторами или периодами, напр. **gratus**, **decorus**, мы получаем только два прилагательных, на протяжении всей истории литературного латинского языка устойчиво передающих понятие эстетической красоты: **formosus** и **pulcher**.

2. Прилагательное **formosus** морфологически прозрачно, будучи образовано с помощью суффикса **-os** от основы существительного **forma** (одна из правдоподобных этимологий этого существительного – греч. **μορφή**, подвергшееся диссимиляции). Производных у этого прилагательного крайне мало, и они засвидетельствованы только в относительно позднюю эпоху: наречие **formose** – впервые у Проперция, абстрактное существительное **formositas** – впервые у Цицерона, уменьшительное **formosulus** – у Варрона. Столь небольшое число дериватов вместе с морфологической прозрачностью заставляют присоединиться к мнению А. Эрну о том, что это прилагательное возникло в эпоху усиления греческого культурного влияния на Рим и образовано по греческим образцам **μορφῆος** и **εὐμορφος**. Косвенным свидетельством этого может служить то, что прила-

гательное имеет очень узкий спектр значений, почти всегда обозначая физическую красоту человека, животного, гораздо реже применяясь к другим объектам, напр. к зданиям, и лишь в редчайших случаях определяя абстрактные понятия. Все эти доводы позволяют сделать вывод о том, что прилагательное **formosus** (засвидетельствованное впервые у Плавта) появилось в латинском языке специально для обозначения греческого понятия красоты.

3. Прилагательное **pulcher**, в отличие от **formosus**, уже в архаической латыни не было этимологически прозрачным. Хотя число дериватов прилагательного **pulcher** ненамного больше, чем прилагательного **formosus**, прилагательное **pulcher** несомненно древнее прилагательного **formosus**: во-первых, оно засвидетельствовано уже в надписях архаического периода, во-вторых, оно функционировало и как прозвище, часть тройного римского имени, в роде Клавдиев. Известно, что первым носителем родового прозвища **Pulcher** был сын Аппия Клавдия Слепого Гай Клавдий Пульхр, курульный эдил 253 г. до н. э., что дает надежный *terminus ante quem* для появления этого слова. Другим крупным отличием от прилагательного **formosus** является широкий спектр сочетаемости прилагательного **pulcher**: **pulcher** употребляется не только во всех тех случаях, где возможно употребление **formosus**, но и часто сочетается с существительными, обозначающими абстрактные понятия, нравственную красоту, красоту литературного произведения; наконец, у **pulcher** есть ряд сфер употребления, в которых его значение не связано с эстетической красотой и является общеположительным: 'первосортный, отборный, превосходный и т. п.'. Эти факты позволяют полагать, что данное прилагательное существовало в латинском языке и до эпохи массивного греческого влияния, поэтому, вероятно, история этого слова должна в наиболее ясной форме отразить историю становления эстетических понятий в Риме.

4. Функционирование прилагательного **pulcher** как прилагательного эстетической оценки в классической латыни во многом определялось тем, что оно воспринималось как наиболее точный перевод греческого **καλός**. Первым несомненным случаем тождества **καλός** = **pulcher** является употребление **pulcher** в качестве эпитета бога Аполлона, в сочетании **Apollo pulcher**. Существует свидетельство Луцилия о том, что этот эпитет даже в его эпоху еще воспринимался как необычный. Поэтому с

большой вероятностью можно предположить, что именно употребление **pulcher** в качестве эпитета Аполлона и было первым случаем появления у **pulcher** значения эстетической красоты, свойственного прилагательному **καλός**, передающего выработанное в греческой культуре понятие о красоте; это значение стало впоследствии доминирующим значением **pulcher**. Можно ли понимать свидетельство о необычности сочетания **pulcher** с именем бога, где прилагательное передает значение красоты, как доказательство того, что до близкого знакомства с греческой культурой римляне не были знакомы с понятием эстетически красивого?

5. Наблюдения за процессом усвоения римлянами понятий греческой культуры показывают, что в тех случаях, когда они встречались с явлением, совершенно им не известным, они целиком заимствовали соответствующее греческое слово. Следовательно, коль скоро римляне не стали заимствовать греческое **καλός**, а нашли ему соответствие в собственном лексиконе (**pulcher**), в значении **pulcher** и в эпоху, предшествовавшую контактам с Грецией, присутствовало, хотя бы в какой-то мере, понятие эстетически красивого. По-видимому, это значение прилагательное **pulcher** имело в тех сочетаниях, где оно служит определением людей: это словоупотребление очень устойчиво и является наиболее древним из засвидетельствованных случаев употребления **pulcher**, так как **pulcher** могло служить прозвищем человека. Вероятно, первоначальным значением **pulcher** было значение 'отборный', сохраненное, в частности, в сакральном языке (**pulcher** о жертвенном животном); поэтому можно предположить, что и в сфере, где **pulcher** служит определением людей, его первоначальным значением было 'лишенный физических недостатков' (о женщине, девушке, ребенке). Это значение и было связано впоследствии с греческим понятием эстетической красоты.

И. А. Седякова (Москва)

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ И ИЗУЧЕНИЕ НАРОДНЫХ ДРЕВНОСТЕЙ В АНГЛИИ В XIX ВЕКЕ.

Диалектные словари, являющиеся ценным источником для языковедов-специалистов в области фонетики и фонологии, лексикологии, этимологии и т. д., особый интерес представляют для этнолингвистов, фольклористов и культурологов. Составители словарей наречий, изучая диалекты, неизбежно сталкиваются с местными обычаями и верованиями, фольклором. Факты традиционной культуры и ее терминология находят отражение в словнике словаря, в толковании, в примерах, даже если автор не ставит перед собой подобной цели, а интересуется лишь лингвистическими особенностями говора. В докладе проблема представленности "народных древностей"¹ в словарях будет рассматриваться на примере английской лексикографии XIX в.

Издание диалектных словарей в прошлом веке в Англии было систематическим и по количеству значительно опережало этнографические и фольклорные публикации. Собственно описаний локальных "пережитков" и "суеверий" (*superstitions* – один из традиционных английских терминов для обозначения народных верований и обычаев) было опубликовано не так много – менее 15 во второй половине XIX в. (R. M. Dorson. *The British Folklorists. A History*. London, 1968, p. 320), в то время как диалектных словарей в этот период насчитывается несколько десятков. Таким образом, в истории английской фольклористики составление словарей наречий было важной формой собирательства народных древностей. Изучение диалектов и фольклора шло параллельно сначала неосознанно, затем было закреплено в качестве основного принципа полевых исследований (см. программные статьи созданных в конце XIX в. Английского фольклорного общества и Английского диалектного общества).

¹ Термин *popular antiquities* применительно к народным традициям использовался до середины XIX в. Слишком широкий и многозначный, он вышел из употребления после введения У. Томсом в научный обиход термина *фольклор*.

Словари английских диалектов XIX в., именуемые в основном глоссариями, различаются по многим параметрам: по охвату территории (одна деревушка или целое графство), по объему и составу словника, по пометам и по характеру иллюстративного материала, по дополнениям и комментариям. Часть словарей основывается на языке письменных памятников (Дж. Моррис). Однако большинство изданий уже в подзаголовке содержит указание на особый интерес составителя к народным традициям, обычаям, поверьям и местным культам, почерпнутым из живой речи носителей диалекта. При этом оценочное отношение составителей к обрядам и верованиям очень различно. Некоторые собиратели (их немного), несмотря на то, что включают описания обычаев в словарь, считают их варварскими и активно выступают против их сохранения (Э. Чамберлейн). Другие осознают важность фиксации исчезающих буквально на глазах традиций и фольклорных текстов (особенно паремий – “народной мудрости” – У. Д. Пэриш).

Для всех диалектных словарей XIX в. можно выделить общие черты. Так, большое внимание уделяется наименованиям и описанию детских игр, промыслов и орудий труда, сведениям по народной медицине и метеорологии. В некоторых словарях обзор верований и фольклора представлен в виде специального раздела, который дополняется еще и словарными статьями. Правда, часть этих описаний стереотипна и отражает общеизвестный набор народных знаний: календарные, свадебные, погребальные обряды и их терминология и обязательно демонология и колдовство.

Почти все английские диалектные словари XIX в. включают в себя элементы словарей энциклопедических: толкуется не само слово, а реалья, стоящая за наименованием. Особый интерес в этом плане представляет словарь Ф. Робинсона (Robinson F. K. *A glossary of Yorkshire words and Phrases collected in Whitby and the Neighborhood, with examples of their colloquial use and allusions to local customs and traditions by inhabitants*, 1855), который наиболее последовательно отражает лексику духовной культуры, этнографические и фольклорные факты. На анализе словаря Робинсона мы остановимся в докладе подробнее. Этот словарь довольно подробно отражает обрядовые термины – хронимы, ритуалы, названия ряженных и др. в диалектной форме. Очень ценными являются списки всех известных автору местных названий одной реалии (например, божьей коровки и др.).

Ряд статей носит сугубо энциклопедический характер: подробно описываются “несчастливые дни” (unlucky days) в народных представлениях, в словарной статье к глаголу *умирать* приводится только описание обряда оповещения пчел о смерти хозяина и мн. др. Явные элементы словаря народной культуры проявляются и в том, что толкуемое слово нередко дается не в диалектной форме, а в литературной, отмечаются лишь особенности его локального употребления и этнокультурные коннотации (включая случаи табуирования слов, например, *devil*). Словарные статьи последовательно включают и фольклорные тексты – паремии и загадки, мемораты, легенды, песни, народные молитвы, детские стишки и др. В качестве доказательства того, что для Ф. Робинсона диалект и фольклор – явления одного порядка, приведем один из его комментариев, заканчивающих толкование локального наименования *ежа*: “Удивительно, как много местных слов и выражений произошло от народных обычаев и поверий!”

III. О НОВЫХ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЕКТАХ. СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЙ СЛОВАРЬ КУЛЬТУРЫ: ПОЙСКИ ЖАНРА

З. Барболова (София)

ПРОБЛЕМИ ЗА СЪСТАВЯНЕ НА СПЕЦИАЛИЗИРАН РЕЧНИК НА КУЛТУРАТА

Съставянето на какъвто и да е речник е свързан с редица трудно решими и дори нерешими проблеми. Първият от тях, с който се сблъскват авторите, е *определянето на словника*. Това се отнася най-вече за специализираните речници. Обикновено трудностите тук се пораждат от обстоятелството, че не може да се постави рязка граница между различните теми, независимо дали те са свързани с науката, изкуството или друга област от бита и живота на човека.

Още по-сложен е този въпрос, когато се отнася до културата. Преди всичко тук трябва да се реши по принцип въпросът за същността и обхвата на понятието *култура*. Още Декарт казва: "Определете значението на думите и вие ще избавите света от половината му заблуждения". Що се отнася до понятието *култура* в широкия смисъл на думата, то общоприета е постановката, че всяко човешко творение, дело и поведение, състоянието и речниковото богатство на езика, начинът на мислене и общуване са белег на културното развитие на един народ. В такъв случай речник на културата изобщо не е възможно да съществува. Би могло да се говори за национален речник на културата, чийто словник всъщност трябва да включва целия речников състав на съответния език, който по същество е равностоен на националния тълковен речник.

В ежедневната практика се правят различни класификации, според които културата се разделя на *ниска* и *висока* (като "ниската култура" обикновено се свързва с ниска степен на развитие на един човек или народ, а понякога дори с простачина и дивачина, а "високата култура" често се възприема като синоним на цивилизация); на *материална* и *духовна* (но къде е границата между тях, никой не може да очертае, особено когато

това се отнася до символите, които са предмет както на материалната, така и на духовната култура); на *народна и елитарна*; на *селска и градска*; на *древна и нова*; на *етническа (народностна, национална)* и *световна (общочовешка)* и т.н.

Всички изкуства априори се отнасят към културата и формират нейните основни дялове. Дори на пръв поглед "специализиран речник на култура" се дешифрира като "терминологичен речник на изкуствата". Но тук веднага възникват въпросите: "А що е изкуство?" и "Кое можем да приемем за предмет на изкуството?" Работата на аранжора и дизайнера приемаме за вид изкуство, но никой не приема ветрината, машината или десена на една тъкан като предмети на изкуството. Същевременно възприемаме *модата* в облеклото и прическите като вид изкуство, говорим за *кулинарно изкуство*, *военно изкуство*, казваме, че *политиката е изкуство*, чийто *върх е дипломацията*; основен критерий за добър адвокат и днес остава владенето на *ораторското изкуство*; едно от най-важните изкуства днес е *рекламата* и т. н. Всичко това дава основание да приемем, че под *изкуство* се разбира всичко, което е добре и красиво, т. е. *изкусно* направено, поне от гледна точка на славянина.

Макар въпросът, дали литературата е изкуство или наука, да не е окончателно решен, и в двата случая тя е плод на културата, при това на висшата култура.

Никой не се съмнява, че науката като цяло също е част от висшата култура. Нещо повече, тя е едновременно неин творец и продукт. Говорим дори за *аграрна култура* или *земеделски култури*, *културна политика* и т.н. Освен това под *културен човек* се разбира не само човекът на изкуството, интелигентния и учения, но и възпитания човек, т. е. педагогиката и възпитанието несъмнено са част от културата. Етиката и естетиката са не само философски, но и основни категории в история на изкуствата, както и различните идеологии, вярвания, стари и нови религии и т.н., които формират основата на духовната култура и намират израз в материалната култура. Следователно, обхватът на понятието *култура*, разбираемо дори в най-тесния смисъл на думата, има трудно ограничени размери. Навярно това е най-съществената причина за липсата на ясна и точна научна класификация на неговите подразделения и категории.

Всичко това поражда основните трудности при класифицирането и определянето на *термините*, които биха могли да се отнесат към един *специализиран речник на културата* изобщо.

От казаното по-горе изглежда, че езиковедите-лексикографи нямат друг избор, освен да се възползват от възможностите на идеографските речници. Всъщност, съчетавайки най-рационалното от методиката на идеографските и азбучните, на тълковните и енциклопедични речници, под общото заглавие примерно "Речник на българската култура", биха могли да се издадат отделни томове, всеки от които да включва термини, отнасящи се само към един или няколко сродни дялове на културата. По този начин, до известна степен, ще се избегнат нерешените (и вероятно нерешими) въпроси, отнасящи се до същността и обхвата на понятията *култура* и *изкуство*, както и на някои по частни лексикографски проблеми. В този случай се избягва ограничаване във времето и пространството и се появява възможност за включване на цялата лексика – активна и пасивна, книжовна и диалектна, в съответния език, отнасяща се към дадена тема. Съставянето на такъв речник налага разпределяне на тематиката между няколко колектива, които да работят едновременно. Това ще даде възможност за неговото по-бързо и, най-вече, по-качествено изписване. От друга страна, подобен речник има и много предимства, свързани и с неговите потребители. Преди всичко, той дава възможност за по-бърза ориентация в огромния материал.

В. М. Мокиенко (Санкт-Петербург)

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ В ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ ФРАЗЕОЛОГИИ

1. Известно, что фразеология (resp. идиоматика) является активным аккумулятором культурологической информации. Такая информация, с одной стороны, делает фразеологизмы национально маркированными языковыми единицами, с другой – как это ни парадоксально – обеспечивает и активную интернационализацию фразеологических систем разных языков. Эти две противоположных тенденции необходимо учитывать при историко-этимологической интерпретации фразеологизмов: опасность принять интернациональное за национально специфичное (или наоборот) при такой интерпретации чрезвычайно велика.

2. Славянские лексикографические источники общего типа (в первую очередь толковые и двуязычные словари) крайне непоследовательно и непропорционально отражают культурологические факты, аккумулированные фразеологией национальных языков. Монументальные толковые словари прошлого века – такие, как словарь Н. Герова, В. Караджича, В. И. Даля, Й. Добровского, С. Б. Линде и др., в этом отношении были значительно более последовательны и полны. В наше время словари с подобной ярко выраженной культурологической направленностью стали редким исключением: таков, например, уникальный кашубский словарь Б. Сыхты. В них можно найти немало детализированной культурологической информации, сохраняющей до сих пор свою научную ценность. “Панславистский” и общекультурологический подход к описываемому материалу в таких словарях в то же время делает некоторую (особенно фразеологическую и паремиологическую) его часть недостаточно объективно локализованным и историко-этимологически прокомментированным: составители нередко прибегали к излишне глобальным культурологическим параллелям и “романтическим” истолкованиям в духе народной этимологии. Такого рода интерпретации до сих пор еще некритически воспроизводятся в большинстве

современных словарей, в результате чего историко-этимологические справки о славянской фразеологии являются их наиболее уязвимым местом.

3. Специальные толковые и учебные фразеологические словари в полной мере отражают уже отмеченную общелекسیкографическую ситуацию. Историко-этимологические справки здесь далеко не всегда лингвистически аргументированы, экстралингвистические (часто – наиболее “сюжетные”) факты обычно превалируют над собственно языковыми, иерархия доказуемости, как правило, не представлена. В докладе данная ситуация иллюстрируется анализом историко-этимологических справок, имеющих в русских, польских, чешских и болгарских фразеологических словарях послевоенного периода.

4. Специальная историко-этимологическая фразеология в славистике делает лишь первые шаги. Опыт имеющихся небольших учебных словарей (Н. М. Шанский, В. И. Зимин, А. В. Филиппов. Опыт этимологического словаря русской фразеологии. М., “Русский язык”, 1987; В. П. Фелицына, В. М. Мокшенико. Русские фразеологизмы. Лингво-страноведческий словарь. Под ред. Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова. М., “Русский язык”, 1990) показывает, что культурологическая интерпретация пока еще в таких справочниках – не искомое, добытое предварительным комплексным анализом, а нечто самоцельное, своеобразная “вещь в себе”, от чего в первую очередь и отталкиваются составители. Методика этимологического анализа фразеологии, вырабатываемая современными лингвистами (Б. А. Ларин, В. В. Виноградов, Н. И. Толстой, Ю. Кржижановский, В. Н. Сергеев, Ю. А. Гвоздарев, Н. М. Шанский, В. И. Зимин, Р. Эккерт, В. Айсманн, К. Ничева, А. Ф. Журавлев, Л. А. Ивашко, В. Н. Вакуров, А. А. Ивченко, И. А. Подюков, В. М. Мокшенико и др.) уже позволяет, как кажется, перейти от конкретного очеркового анализа отдельных фразеологизмов к их системному лексикографическому описанию историко-этимологического типа.

Фразеологический семинар Санкт-Петербургского университета в течение 15 лет готовил материалы для такого описания русской фразеологической системы. Его первый этап – сводный библиографический указатель (А. К. Бирих, В. М. Мокшенико, Л. И. Степанова. История и этимология русских фразеологизмов (Библиографический указатель). 1825–1994. München, Verlag Otto Sagner, 1994) недавно опубликован. Второй этап этой подготовительной работы – систематизированное изложение имеющих-

ся историко-этимологических версий по русской идиоматике – находится в печати. Основной акцент в последнем справочнике делается именно на отражение культурологического фона русской фразеологии в диахронической проекции.

5. “Историко-этимологический словарь русской фразеологии”, над составлением которого работают члены фразеологического семинара Санкт-Петербургского университета, ставит целью комплексную интерпретацию основной массы фразеологизмов русского языка. Разумеется, далеко не все они требуют такого комментария: довольно большая часть их этимологически прозрачна из-за универсальности или предельной ясности исходного образа. В спектре особого внимания поэтому – ядро национальной фразеологии, ее идиоматика, законсервировавшая культурологические и языковые реликты. Такого рода обороты “просеиваются” сквозь призму последовательного сопоставительного анализа с использованием метода структурно-семантического моделирования: 1) устанавливается относительная хронология (resp. фиксация) оборота в русском языке и его исходная (вариантная) форма; 2) излагаются имеющиеся в специальной литературе историко-этимологические версии; 3) выявляются ареальные проекции описываемого фразеологизма в русских диалектах; 4) демонстрируются его реальные проекции и варианты структурно-семантической модели в других славянских языках и диалектах (с приведением этимологической интерпретации, если таковая имеется); 5) приводятся типологические (либо генетические) соответствия в других европейских (реже – неевропейских) языках; 6) ставится диагноз исконности либо неисконности (resp. калькированности) фразеологизма; 7) подводятся итоги сопоставления и на основе предложенной лингвистической процедуры предлагается наиболее вероятная историко-этимологическая версия, с ее развернутым культурологическим комментарием. Такой комментарий, следовательно, становится основным искомым всего анализа, он вытекает из предварительной многоэтапной реконструкции исходного образа описываемой славянской идиомы.

В докладе рассматриваются примеры словарных статей, в которых по предлагаемой схеме анализируются спорные историко-этимологические версии: **вилами по воде писано, ни зги не видно, ни в зуб [ногой], ни кола ни двора, узнать всю подноготную** и др. Культурологический аспект при этом особо акцентируется.

ДЕФИНИЦИЯ В ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ

Проблема словарной дефиниции, перешедшая в последнее десятилетие из области практической лексикографии в сферу внимания теоретической лингвистики (работы Ю. Д. Апресяна, А. Вержбицкой и др., см. также сб. "O definicjach i definiowaniu" pod red. J. Bartmińskiego i R. Tokarskiego. Lublin, 1993), оказалась тесно связанной с общими принципами описания языка, с соотношением словаря и грамматики, с необходимостью уточнения самого объекта толкования, характера и способа представления содержащейся в нем информации и т. д. Главным недостатком традиционных дефиниций была признана ориентация на объективное, научное знание, а не на "наивную языковую картину мира"; описание с помощью необходимых и достаточных признаков самих объектов окружающего мира (десигнатов), а не значений слов, т. е. подмена лингвистических толкований энциклопедическими. На многих примерах (названия животных, растений, явлений природы и др.) была показана, с одной стороны, избыточность приводимых в словаре сведений (например, биологического вида животных или растений, химического состава веществ и т. п.), с другой – недостаточность выделяемых признаков и особенно пренебрежение прагматическими характеристиками и коннотациями, без которых многие особенности употребления слова, его деривации и сочетаемости остаются семантически немотивированными (например, словарные дефиниции слова **обезьяна** не объясняют значение глагола **обезьянничать** и т. п.).

В этнолингвистическом словаре традиционной народной культуры объектом описания является не слово и вообще не языковой знак, а ментальный знак – культурный символ, репрезентантом которого могут выступать и языковые единицы (слова, словосочетания, языковые клише), и реалии внеязыковой действительности – предметы, действия, свойства, лица и т. д., наделяемые символическим значением. Поэтому здесь, как и в лингвистическом словаре, энциклопедические толкования, ориентированные

на научное знание, неприемлемы. Биологический вид животного или растения, таксономическая характеристика предмета не объясняют символики и ритуальных функций соответствующих реалий. Их место и функция в языке культуры определяются особой, культурной моделью мира, отличной и от наивной языковой картины мира, и тем более от научного представления о мире. Но эта культурная модель отлична и от того, что может быть названо практической картиной мира, от народных (донаучных) знаний о мире, которые могут быть достаточно развитыми (ср. народную астрономию, ботанику, медицину и т.п.), однако и они не находят прямого отражения в символическом языке культуры. Культурная модель принципиально ориентирована не на объективные знания, а на особое, по преимуществу мифологическое объяснение мира; она избирательна — далеко не все элементы окружающего мира получают в ней “отмеченность”; культурная роль реалии часто не соответствует ее практическому, утилитарному значению. В этнолингвистическом словаре находят толкование лишь те элементы и свойства окружающего мира, которые получают в народном сознании символические значения, и лишь со стороны этих символических значений. Так, толкуя предметный символ “борона”, мы полностью отвлекаемся от реальных свойств, типов и функций этого земледельческого орудия, обращая внимание лишь на те его признаки и свойства, которые получают символическое осмысление (острые зубья, переплетения, наличие ячеек, характер производимого действия и т.п.); “ветер” объясняется как природное явление, которое персонифицируется и наделяется демоническими свойствами, а его физическая природа оказывается с культурной точки зрения нерелевантной; “ворон” и “ворона” получают дефиницию: в народных представлениях нечистые (дьявольские, проклятые) и зловещие птицы, связанные с миром мертвых, и т.п. Символически значимыми могут быть не только реальные свойства предмета, но и соответствующий ему языковой знак, который в таких случаях становится объектом этимологической магии (ср. магические действия, связанные со зрением в **Видов день**).

СЛОВАРНАЯ ФОРМА ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ ДЕМОНОЛОГИЧЕСКИХ ПОВЕРИЙ

Возможности систематизации народных демонологических верований, изложенных в форме словаря терминов мифологических персонажей (далее – МП), были по достоинству оценены и использованы в издательской практике уже с конца XVIII в. (ср. М. Д. Чулков – 1767, 1782, 1787; М. В. Попов – 1768). С тех пор словарная форма многократно подтвердила перспективность удобного и экономного способа упорядоченного изложения обширного материала, который представляет возможность не только выявить всю совокупность МП определенной этнической традиции, но и определить место каждого из них в системе мифологических верований (ср. издания последних лет: Мифологический словарь под ред. Е. М. Мелетинского. М., 1991; Мифы Бацькаўшчыны, сост. У. А. Васілевіч. Мінск, 1994; Русский демонологический словарь, автор-составитель Т. А. Новичкова. СПб., 1995; Славянская мифология: Этнолингвистический словарь. М., 1995).

Между тем этнолингвистическое изучение мифологической лексики – и прежде всего названий и имен МП – со всей очевидностью выявило особый семантический статус и специфику функционирования номинативов подобного рода, особенностью которых является необычный тип соотношения имени и его денотата (см. рукописи кандидатских диссертаций и дипломных работ следующих авторов: Н. И. Зайцева. Мифологическая лексика в чешском и словацком языках. Канд. дисс. Минск, 1975; Е. М. Назарова. Болгарская мифологическая лексика в этнографическом и этнолингвистическом освещении. Дипломн. раб. МГУ, 1986; Е. Е. Левкиевская. Русская, украинская и белорусская мифологическая лексика: Опыт сравнительного анализа. Дипломн. раб. МГУ, 1988; О. В. Санникова. Польская мифологическая лексика в этнолингвистическом и сравнительно-историческом освещении. Канд. дисс. М., 1990; а также книгу О. А. Черепановой “Мифологическая лексика Русского Севера”. Л., 1983).

Традиция изложения демонологических поверий в форме словаря сгруппированной по алфавиту номинативной лексики обнаруживает целый ряд сложностей, первая из которых состоит в том, что за термином – именем МП стоит “реальность” особого рода, т. е. круг представлений о мифических существах, известных в поверьях определенной местности. А, как известно, одним и тем же именем в разных зонах могут обозначаться разные по своему характеру МП (ср. значения термина **домовик**, известные в полесской зоне: 1) **домовой** дух антропоморфного вида, опекун дома и семьи, способствующий благополучию скота; 2) нечистая сила, черт, вредоносный дух, от которого старались избавиться; 3) приходящий в дом покойник, дух умершего родственника; 4) обитающий в хлеву зооморфный персонаж (уж, ласка), от которого зависит благополучие скота; 5) искусственно возвращенный демон-обогадитель, обеспечивающий хозяину достаток). С другой стороны, под разными именами могут выступать МП, тождественные по сумме своих характеристик. Ср. польские названия полевых духов: **południca**, **diabeł polny**, **baby żytnie**, **rusalki żytnie**, **majówki**, **złe duchy**.

Таким образом, критерий тождественности конкретного МП не определяется только его именем, но выявляется на уровне своеобразного идентифицирующего минимума набора характерных признаков.

Вторая трудность – табуированный способ использования номинативной лексики в мифологических текстах: безличные конструкции (“водило по лесу”), местоименные или описательные обозначения (“нечистый”, “что-то”, “оно”). Демонологические поверья, оформленные подобным образом, не могут попасть в словарь названий МП, либо они должны подвергнуться операции предварительной идентификации (со стороны собирателя или издателя) прямо не названного МП по признакам типа внешности, примет поведения и т. п. Так, в сборнике восточно-сибирских быличек В. П. Зиновьева на 35 текстов, помещенных в разделе “Леший”, только в трех прямо называется МП с этим именем, в 32-х случаях рассказчики обходятся без имени. В этом же сборнике из 16-ти текстов, включенных в раздел “Кикимора”, лишь один упоминает этот термин, все остальные избегают определенных названий (соответственно, в ряде случаев вызывает недоумение принцип отнесения текста к данному типу МП).

Следующая трудность – не просто использование фигуры умолчания по отношению к имени МП, но принципиальное

отсутствие индивидуального названия для большой категории духов, призраков, привидений, неясных образов, теней, — как антропоморфных или зооморфных, так и невидимых, единственная функция которых — внезапно появляться и исчезать (либо пугать, проявлять себя звуками и т. п.).

Наконец, чаще всего не попадают в демонологические словари персонажи, выступающие в постоянной ипостаси природных стихий (вихря, ветра, тучи), животных и насекомых, персонифицированных календарных праздников, дней недели, святых с явными демоническими признаками. В исследованиях, посвященных зоологическому коду языка народной культуры (см. работы В. Н. Топорова, А. В. Гуры), подчеркивается роль некоторых животных как особой разновидности МП. Между теми и другими часто невозможно провести четкую грань различий (ср. представления о демоне в его зооморфной ипостаси и о животном, обозначаемом через демонический термин: **квикимора** — ‘летучая мышь’; **домовик** — ‘ласка’; **відьма** — ‘бабочка’).

Вполне оправданы, с нашей точки зрения, попытки включения в словарь МП таких лексем, как **уж**, **медведь**, **гадюка**, **глухарь**; **мороз**, **метель**, **ветер**, **вихрь**; **пятница**, **среда**, **святки** и др. (см. Русский демонологический словарь. М., 1995).

Особый раздел народной демонологии составляет класс покойников (душ конкретных умерших родственников, некрещеных детей, умерших в молодом возрасте, погибших в результате несчастного случая, самоубийц и т. п.), тоже слабо представленных в словарях персонажей низшей мифологии. По наблюдениям польского этнографа Л. Пэлки, от 80 до 90 % всех опрошенных сельских жителей районов Восточной Польши были склонны верить, что умершие посещают по ночам свои дома, но лишь 32 % из них пользовались термином “упырь”, “вампир” и под. Остальные утверждали, что эти духи не имеют определенного закрепленного в традиции термина и могут называться по-разному: **dusza zmarłego**, **nocny duch**, **nieboszczyk**, **umrzyk**, **strach**, **zły duch** и т. д. [1].

Таким образом, удобная для практического пользования словарная форма описания демонологической системы через названия МП не может представить полную и адекватную картину состояния традиции, если не учитывать также основного набора мотивов, функций, характерных для персонажного ряда. В этом смысле удачными следует признать структуру “Указателя типов

и мотивов финских мифологических рассказов” Л. Симонсуури и приложенный к нему “Словарь основных мифологических персонажей” (Петрозаводск, 1991).

Показательна ситуация с полесской демонологией, о которой такой опытный этнограф, как К. Мошинский высказал следующее суждение: скупость данных и ничтожное количество МП вызывает изумление собирателей, ожидавших получить в этой архаической зоне богато представленное разнообразие форм [2].

Однако при чрезвычайно скурых данных о лешем, водяном, полуднице, полевице, атмосферных духах – в Полесье фиксируется практически весь набор демонологических *мотивов*, соотносимых с разными МП восточнославянской традиции. Особенностью этой системы является концентрация мифологических поверий вокруг фигур черта и “ходячего” покойника как двух главных воплощений мужских персонажей нечистой силы и вокруг русалки и ведьмы как двух главных воплощений женских МП. Во многих случаях типовые демонологические мотивы функционируют в Полесье в без-именной форме, либо характеризуют МП, имеющих неопределенные названия, типа: оно, пужайло, ляк, лякачка, нядуга, не свой дух, нячыстик, недобра, нелюдске и т. п. Либо в роли демонов выступают животные (уж, ласка, хорь, кот, мышь), атмосферные явления и т. п.

Таким образом, приходится учитывать, что сами по себе имена МП как план выражения демонологических явлений маль пригодны для словарного описания системы низшей мифологии. Важно учитывать общую типологию персонажа, определяемого как совокупность характеризующих его признаков (мотивов) и имя как одну из таких характеристик (причем список названий демонологических существ должен быть расширен за счет лексики, отражающей многообразные формы персонифицированных животных, природных явлений, болезней, психических состояний человека, хронимов и т. п.).

Литература

1. L. Pełka. Polska demonologia ludowa. Warszawa, 1987, s. 167.
2. K. Moszyński. Kultura ludowa Słowian. T. 2. Cz. I. Warszawa, 1967, s. 702.

О.В.Белова (Москва)

**ЛЕКСИКА И СИМВОЛИКА
В СЛОВАРЕ НАЗВАНИЙ ЖИВОТНЫХ**
(по материалам памятников восточно- и южнославянской
книжности XIII-XVII вв.)

Памятники древней славянской книжности донесли до нашего времени разнообразные сведения о природе, зверях, птицах, рыбах и пресмыкающихся, а также о мифических зооморфных существах. Сказания о животных представлены в памятниках различных жанров: в так называемых “естественнонаучных” сочинениях, символично-толковательных произведениях, лексикографических трудах. Средневековые рассказы о животных предполагали не только и не столько описание природных объектов как таковых, но и рассматривали всех “ходештных и летештных” тварей с точки зрения символического, нравоучительного смысла, в них заключенного. Для авторов Средневековья звери и птицы были не реальными представителями животного мира, а прежде всего символами, объектами богословских или морализаторских уподоблений. Славянские книжники подвергали символическому истолкованию не только образ в целом, но и отдельные его стороны, а также материальную оболочку образа – его имя; таким образом символика мыслилась изначально заложенной как в природе животных, так и в их именах. В символической интерпретации имен-названий животных представлена модель взаимодействия телесного и духовного миров, которые соотносятся друг с другом через определенную знаковую абстракцию (имя связывается как с конкретным объектом, так и с его символическим значением). Памятники символично-толковательного типа (Толковая Палея, “Физиолог”, “Слово о рассечении человеческого естества”) всегда подчеркивают главенство символики над фактическим описанием. Именно в пользу символики решают они вопрос о соотношении лексического и символического значений слова.

Безусловно, такой обширный пласт лексики, отражающий представления славянских книжников о природе, не мог быть

оставлен без внимания составителями исторических словарей. Названия животных из "Физиолога", Толковой Пален, азбуковников включались в словники словарей церковнославянского и древнерусского языков, комментировались и объяснялись фрагментами текстов этих памятников. Но всегда ли должным образом оценивался контекст, из которого бралось название животного, всегда ли учитывалась жанровая специфика символично-толковательных памятников? К сожалению следует признать, что символический аспект, столь ярко проявляющийся в этих произведениях, практически никогда не анализировался. Внимание комментаторов было направлено на лексическое значение слова, что подчас являлось причиной обедненной трактовки ряда лексем древнерусского языка. Так, в русской лексикографии XVIII–XX вв. наибольшее распространение получило толкование слова **алкионъ/алкионость** как 'зимородок, Alcedo atthis'. Однако памятники книжности по спискам XIV–XVII вв. выявляют иное значение, не тождественное значению 'зимородок', а именно – 'морская птица, несущая яйца в глубину моря и умиряющая бури'. Основой для сказания об **алкионоте** послужил греческий миф об Алкионе, превращенной в зимородка, но со временем не только образ отдалился от своего "прототипа" и получил новые черты, но трансформировалось также имя птицы (**алкион** – **алкионот**). Это способствовало формированию самостоятельного значения слова **алкионот** в древнерусском языке как обозначения мифической птицы, ставшей символом умирения стихий.

Кажется правомерным в этой связи поставить вопрос о создании специального словаря названий животных по памятникам древнеславянской книжности. Этот словарь призван отразить не только лексику определенной области книжных знаний, но и специфику значений, возникающих у слова в результате функционирования как в сфере "естественнонаучных" представлений, так и в символическом контексте. Например, с лексической точки зрения слова **езгуля** и **кукушка** являются синонимами, вариантами имени одной и той же птицы *Cuculus canoris*. Но символическое наполнение этих имен различно: толкование, согласно которому кукушка является символом иудеев, отвергших учение Христа, прилагается только к лексеме **езгуля** и ее вариантам и никогда к лексеме **кукушка**, что обусловлено особым символическим контекстом, окружавшим название **езгуля** в тексте-источнике (Толковая Палея). К одному персонажу могут

прилагаться несколько символических значений. Мифическая птица **феникс**, возрождающаяся из пепла, в древнеславянской традиции может символизировать Христа, принесшего на землю "небесное слово"; Воскресение Христово; грядущее Воскресение всех умерших; мучеников-праведников; человека, претерпевшего страдания за грехи и обновившегося приобщением к божественной благодати. Таким образом реализуется одно из важнейших свойств категории символа – тяготение его к бесконечности. Символика одного и того же персонажа может иметь прямо противоположные значения. Еж, отрясающий виноградные гроздья, предстает как образ дьявола, разоряющего "виноградник" человеческих душ; но этот же образ ежа может относиться к любвеобильным родителям, заботящимся о пропитании своих чад. Соотнесение различных имен одного и того же объекта с общим для всех них символическим значением дает богатый материал для разработки проблемы лексической вариативности символа (так внешнюю сторону одного символа представляют лексические варианты типа **бобръ – касторъ, неясуть – пеликанъ, пеларгось – стеркъ – буско** и т.д.). С другой стороны, приложение одного и того же символического значения к различным лексемам свидетельствует о вариативности символизируемого объекта (один сюжет с соответствующим толкованием посвящен **пеликану, дяглу и аисту** – родители оживают своей кровью мертвых птенцов; **аисту и удоу** – дети заботятся о престарелых родителях).

Словник такого семантического словаря будет достаточно пестрым. Из-за разнообразия источников (переводные и оригинальные сочинения; тексты на церковнославянском, древнерусском языках и на "простой мове") в словарную часть войдут славянские слова, заимствования из других языков, кальки, а также имена, возникшие в результате искажения или неверного прочтения исходного текста. Словарные статьи также будут различаться между собой – от кратких лексических соответствий (слово – слово) до развернутых "энциклопедических" толкований (слово – текст). Характер словарной статьи должен определяться характером текста, из которого берется лексическая единица, и наличием/отсутствием символического контекста. Но именно в этом разнообразии и отразится все богатство древнеславянской "лексики природы", весь спектр значений, заложенных в слове в определенным образом построенном фрагменте текста. Предполагается также ввести в словарь и анализ иконо-

графических изображений животных (живописные миниатюры украшают многие из рукописных сборников). Небезынтересно будет проследить, каким образом словесное описание "переводилось" славянскими книжниками в изобразительный ряд.

Структура словарной статьи представляется следующим образом:

1. Раскрытие лексического значения. К словарному слову указывается язык-источник, варианты данного названия. Для комментария предпочтение отдается текстам, сохранившим следы мифологических, архаических, фантастических представлений и наиболее ярко демонстрирующим характер памятников из круга "естественнонаучной" литературы.

2. Объяснение символических значений. По материалам источников выявляются все возможные уподобления; возможно установление основных типов символических значений.

3. Иконография.

Сформированный таким образом словарь позволит во всем разнообразии представить лексику древнеславянских памятников, повествующих о природе, и показать, как разрабатывается общий лексический материал в контексте разных культурных и языковых традиций.

СЛОВАРИ ЯЗЫКА ФОЛЬКЛОРА: ВАРИАНТЫ ОПИСАНИЯ СЛОВА

Словарь может быть одной из форм представления картины мира. В описаниях общекультурной модели / картины мира обычно присутствуют фольклорные данные, однако сама фольклорная картина мира из такой модели практически не вычленяется. Для ее представления нужна своя словарная форма.

Существует несколько проектов создания словаря языка фольклора. Мы остановимся на трех, два из которых – назовем их условно московский (рук. С. Е. Никитина) и курский (рук. А. Т. Хроленко) – используют исключительно фольклорный материал, а третий – польский словарь (рук. Е. Бартминский) – и этнографические данные. Укажем несколько характеристик, по которым противопоставляются или объединяются указанные проекты и составленные на их основе словарные описания.

1. Исходный объект (заголовочная единица) и направление описания. Могут быть два принципиальных подхода – от слова к смыслу и от смысла к слову. Для анализируемых словарей исходным является слово / словосочетание, а конечным продуктом – описание концепта, реалии, символического смысла, семиотического значения. Описание слов во всех трех словарях идет изнутри тематической группы, что делает более наглядным распределение общей семантической идеи между словами (например, идеи отцовства между словами **отец**, **батюшка**, **родитель** в московском словаре). Различаются словарные описания тем, на каком этапе происходит переход от слова к концепту / ментальному образу. Этот вопрос связан с устройством / структурой словарной статьи.

2. Тип словарной статьи во всех трех словарях параметрический. Параметры, аспекты, фасеты; тезаурусные функции – все это можно рассматривать как пункты анкеты, предъявляемой главному слову. В курском словаре это, главным образом, синтаксические вопросы (описывается синтаксическое поведение слова), в польском и московском – семантические или даже – в

польском – связанные с прагматикой. Поэтому в московском и польском словарях, в отличие от курского, семантизация слова происходит непосредственно по мере заполнения пунктов словарной статьи, и толкование как бы собирается по частям. Дискуссионной является возможность использования универсальной схемы словарной статьи для всех типов слов.

3. Язык описания – язык исследователя и/или язык фольклора. Разумеется, сам список параметров/тезаурусных функций принадлежит языку исследователя. Однако принципиальным отличием курского и московского словарей от польского является использование в ответах на вопросы/параметры только единиц фольклорного языка. Такой метод можно назвать тезаурусным. Естественным следствием этого является необходимость иметь к каждой статье комментарии, поясняющие заполнение пунктов словарной статьи.

4. Курский и московский словари ориентированы на жанровый принцип описания. В Москве составляются два словаря: на текстах духовных стихов и свадебных причитаний. Можно говорить о жанровых проекциях общефольклорной картины мира. В польском словаре такого разделения нет; более того, это не чисто фольклорный, а этнолингвистический словарь.

Параметрический тип словаря и жанровый принцип описания делают более отчетливыми различия в описании одного и того же слова в разных жанрах и даже внутри одного жанра, при этом разные тезаурусные описания получают не только разные значения многозначного слова, но и то, что в традиционной лингвистике принято называть лексико-семантическими вариантами слова, а также слова, имеющие одно и то же значение, но разную семантическую нагруженность в разных жанрах (например, слово **грех** в духовных стихах и свадебных причитаниях).

В связи с этим в наши описания введено понятие семантической проекции, сходное с понятием профиля слова, введенного Е. Бартминским.

А. Т. Хроленко (Курск)

СТРУКТУРА СТАТЬИ В СЛОВАРЕ ЯЗЫКА РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

Курские лингвофольклористы предпринимают попытку создать словарь языка русского фольклора. На первом этапе лексикографически описываются эпические тексты из собрания А. Ф. Гильфердинга "Онежские былины". Интенсивно осмысляются теоретические проблемы фольклорной лексикографии и параллельно ведется практическая работа над словарем. Предварительные результаты публикуются в сборниках научных работ "Фольклорная лексикография" (в свет вышли три выпуска, четвертый – в печати). Проект осуществляется при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

Одной из центральных проблем лексикографии вообще и фольклорной в частности является проблема структуры словарной статьи. Своеобразие слова, строящего народно-поэтический текст, предопределяет специфику его лексикографического представления. Курские лингвофольклористы исходят из того, что семантика слова и его поэтические функции реализуются и, естественно, выявляются прежде всего в многообразии его внутритекстовых связей. В первом выпуске "Фольклорной лексикографии" (Курск, 1994) мы описали устройство лексикографического "портрета" слова, состоящего из семи структурных частей: (1) идентифицирующая, (2) парадигматическая, (3) синтагматическая, (4) парадигматико-синтагматическая, (5) словообразовательная, (6) функциональная и (7) дополнительно-информационная.

Схематически статья выглядит следующим образом (даем условные обозначения и содержание каждой зоны статьи):

#: база статьи (корпус лексикографически представленных текстов);

ЗАГЛАВНОЕ СЛОВО (количество словоупотреблений);

'толкование';

иллюстрации;

=: варианты акцентные, морфемные и иные, включая формы –

деминутивы и т.п.;

II: изофункциональные слова, которые выступают в роли синонимов, антонимов, элементов парадигматического ряда;

S: связи с существительными;

A: связи с прилагательными;

V: связи с глаголами;

Num: связи с числительными;

Adv: связи с наречиями;

/.../: "вертикальные связи" (ассоциативные ряды, дискретно-ритмические конструкции и т.п.);

>: словообразовательные связи (однокоренные слова в корпусе текстов);

F: поэтическая функция (участие в поэтических приемах – в форме иллюстраций);

F+: функционально-смысловые приращения к значению слова;

<>: вхождение слова в состав общезыкового фразеологизма;

+: дополнительная информация о лексеме.

Предложенная структура словарной статьи нам представляется адекватной природе фольклорного слова, однако углубленная работа над словарем привела к мысли о необходимости учитывать не только внутритекстовые связи, но и связи более широкого характера. Последняя зона статьи (+: дополнительная информация • лексеме) должна превратиться в комментарий, тоже естественным образом структурированный. В комментарии учитывается материал, не только входящий в корпус описываемых текстов, но и тот, что извлекается из других фольклорных собраний. Базой словаря народной эпической поэзии определены "Онежские былины", однако в поле зрения курских лексикографов находятся былины Кириши Данилова, былины Поволжья, Сибири и Дальнего Востока, народно-песенные тексты из собрания М. Г. Халанского и английские фольклорные песни из собрания С. Шарпа. Это позволяет избежать неоправданных обобщений, расширить представление об описываемой лексеме, обнаружить территориальные особенности ("фольклорные диалекты"), эволюционные изменения, жанровую специфику и этническое своеобразие в языке фольклора.

В комментарии фиксируются и результаты лексикологических наблюдений исследователей, обратившихся к фольклорным текстам (А. А. Потебня, П. Г. Богатырев, А. П. Евгеньева,

И. А. Оссовецкий, В. В. Колесов и др.). Как представляется нам на сегодняшний день, словарная статья должна стать минимонографией о фольклорной лексеме.

Е. И. Демина (Москва)

О ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ СВЕРХЗАДАЧЕ
СЛОВАРЯ-ТЕЗАУРУСА
К ПАМЯТНИКУ НОВОБОЛГАРСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ
XVII СТОЛЕТИЯ

Близка к завершению многолетняя работа над Словарем книжного болгарского языка XVII в. на народной основе, построенного на материале произведений из состава Тихонравовского дамаскина XVII в. — одного из первых в послекирилло-мефодиевскую эпоху в Болгарии памятников письменности, язык которых базируется на живой разговорной народной речи с ее аналитическим грамматическим строем и обновленным словарем — в противоположность синтетическому грамматическому строю традиционного болгарского литературного языка — и, вместе с тем, отталкивается от традиции.

Этот труд, руководителем авторского коллектива и главным редактором которого я являюсь, выполняется группой российских и болгарских участников (2 и 8 участников соответственно) в рамках международного научного сотрудничества Российской и Болгарской академий наук. Словарь представляет собой первый в истории славистики опыт создания толкового словаря к памятнику новоболгарской письменности на этапе ее становления. Наряду с собственно словарной частью, в которой дается полное описание всех тех значений, в которых каждое слово или словосочетание выступает в составе новоболгарского текста с учетом нюансов значений и образного словоупотребления, в состав каждой статьи Словаря включен индекс всех отмеченных в тексте словоформ с их исчерпывающей грамматической характеристикой и приведением всех вариантов написания каждой из словоформ (различия в употреблении надстрочных знаков, в способах сокращенного написания словоформ, ошибочные написания). Благодаря этому Словарь дает богатый материал не только для болгарской исторической лексикологии и исторической грамматики болгарского языка, но и для славистических исследований по этимологии, сравнительной грамматике и акцентологии.

В настоящем докладе хотелось бы остановиться на еще одном аспекте возможностей использования материала Словаря подобного типа, на той сверхзадаче, которой служит его создание. Речь идет о филологической значимости исследования подобного рода.

Если подходить к филологии как к науке, “изучающей духовную жизнь и культуру народа преимущественно в словесном выражении” [1], иметь в виду “филологическую сущность языка” [2], то представленное в словаре-тезаурусе целостное описание лексико-семантической и грамматической системы памятника письменности можно рассматривать как отражение “единого (реального) языкового сознания человеческого коллектива в определенный момент времени” [3]. Исследуемый языковой идиом предстает перед нами “как индивидуальное и своеобразное явление человеческой истории” [4] и, добавлю, истории культуры, в частности, истории литературного языка данного народа.

В докладе намечаются и формулируются те проблемы истории болгарской культуры, в решении которых существенную роль могли бы сыграть данные словаря указанного типа, являющегося, в сущности, своеобразным, наиболее полным, детерминированным и упорядоченным видом описания языка изучаемого текста. Это, в частности, проблема кирилло-мефодиевской и более поздних – евфимиевской и ресавской традиций в истории болгарского литературного языка; проблема континуитета этой истории; соотношение элементов традиции и народной основы в книжно-литературном идиоме, открывающем собой период болгарского предвозрождения; место письменности дамаскинов в формировании современного болгарского литературного языка, в том числе в связи с проблемой периодизации истории литературного языка в Болгарии. Выборка определенного круга лексем и наблюдения над индексальной частью позволят будущему исследователю, с одной стороны, судить о степени филологической подготовки анонимных книжников – создателей нового исторического типа литературного языка – книжного болгарского языка XVII в. на народной основе, их менталитете, с другой – восстановить некоторые детали народной культуры и народного быта эпохи. Круг задач подобной филологической интерпретации данных Словаря, безусловно, может быть расширен.

Литература

1. Ахманова О. С., Красова И. Е. О методологии языкознания // “Вопросы языкознания”, 1974, № 6, с. 32–47.

2. Там же.

3. Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, с. 266.

4. Винокур Г. О. О задачах истории языка // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959, с. 210.

В. С. Ефимова (Москва)

ОБ ОПИСАНИИ НАРЕЧИЙ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В СТАРОСЛАВЯНСКИХ СЛОВАРЯХ

В последние годы у славистов, нуждающихся в данных по старославянскому языку, значительно возросли возможности использования словарных материалов. До недавнего времени фактически единственным (и труднодоступным) отвечающим современному уровню лексикографии словарем старославянского языка был изданный в 1955 г. в Гейдельберге краткий "Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten" Л. Садник и Р. Айцетмюллера. Сейчас близится к завершению более чем полувековая работа по созданию Пражского словаря старославянского языка (Slovník jazyka staroslověnského, отдельными выпусками словарь публикуется с 1968 г.), на основе материалов картотеки этого словаря уже издан в 1994 г. более компактный и ограниченный описанием лексики 18 рукописей X–XI вв. Старославянский словарь под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой.

Поскольку указанные словари являются словарями к определенным текстам, их словники претендуют на исчерпывающее включение лексики определенного круга рукописей. Однако различия в составе словников этих словарей обусловлены не только различиями во взглядах их авторов на необходимый состав письменных источников для изучения старославянского языка. Различия объясняются также и методологическими установками лексикографов, и характером самого описываемого материала. В настоящем докладе остановимся на проблемах лексикографического описания старославянских наречий.

Выявление корпуса знаменательных наречий (имеющих, как правило, отыменное происхождение) сопряжено с известными объективными трудностями, частично связанными с тем, что старославянский язык является языком мертвым и в распоряжении исследователя имеется только ограниченный набор рукописей. Положение осложняется еще и тем, что для старославянского

языка наречие – активно развивающаяся часть речи, более того, само место наречия в строе языка меняется в этот период. Рукописи фиксируют как древние наречия (*гвѣ, трѣбѣ, годѣ, вѣсоуѣ, ашоуѣ, искръ* и др.), для которых характерно участие в бинарных отношениях (что указывает на определенное место наречия в более древнем строе языка), так и множество наречий-неологизмов, созданных по продуктивным моделям, причем для последних, как и для наречия в современных славянских языках, наиболее характерна роль модификатора глагола и прилагательного или наречия (т.е. “признака признака”, “третичного” слова, слова “третьей степени”, “третьего члена реляции”). Определение принадлежности формы к наречию как части речи в старославянском тексте требует изучения широкого контекста, учета как формальных показателей, так и общего смысла описываемой текстом ситуации (и только для этого необходимо изучение греческого оригинала в достаточном объеме, так как не всегда наблюдается соответствие в употреблении наречий в греческом оригинале и в славянском переводе).

Особого внимания требует в таких случаях процедура отличия наречий от падежных и предложно-падежных форм существительных – которую Л. В. Щерба даже для современного русского языка называл “самым деликатным вопросом” – когда форма утрачивает предметную референцию и приобретает специфически наречную семантику, связанную с обозначением непроецессуального признака. В известных старославянских словарях нет единообразия в подаче наречий: в одном и том же словаре наречия этого типа могут быть даны в самостоятельной словарной статье, внутри статьи на соответствующее существительное, либо не отмечены вовсе. Можно заметить, что в более поздних выпусках Пражского словаря и в Старославянском словаре 1994 г. уделяется больше внимания таким наречным формам, но и в последнем словаре принцип выделения наречий как самостоятельных лексем выдерживается не совсем последовательно, что, впрочем, вполне осознается и самими авторами, так как во Введении к словарю читаем: “Отдельными словарными статьями даются в большинстве случаев наречия, возникшие из существительных (или наречий) с предлогами” (с. 43, курсив мой – В. Е.).

Существенно отражаются на составе словников старославянских словарей также и теоретические установки лексикографов. С известными традициями немецкой лингвистической

школы связано, например, то обстоятельство, что в словаре Л. Садник и Р. Айцетмюллера отадъективные наречия даны в статье на соответствующее прилагательное. В соответствии с этим же принципом в словаре-индексе к "Шестодневу" Иоанна Экзарха Болгарского, составленном Р. Айцетмюллером, наречия, как правило, не выделяются в отдельную словарную статью, что может быть причиной недоразумений для его пользователей. (Например, в работе А. Давидова 1990 г. о композитах в языке "Шестоднева" приводятся количественные данные: 131 композита, в том числе 65 прилагательных, 52 существительных и 14 глаголов, при этом исследователь не заметил ни одной композиты-наречия. По нашим данным в результате сплошного анализа текста, в языке "Шестоднева" насчитывается 11 наречий-композит типа **боголѣпнѣ**).

Привычка видеть в наречии только модификатор глагола или прилагательного, не обращая внимания на употребление его в древних текстах в других синтаксических позициях, также ведет к изрядной путанице и непоследовательности в лексикографическом описании наречий. Например, на основании анализа одних и тех же текстов лексемы **соумѣ** и **соумѣти** в старославянских словарях представлены следующим образом: в Словаре Л. Садник и Р. Айцетмюллера – как формы прилагательного **suměъ** (с. 126), в Пражском словаре тексты с этими лексемами также иллюстрируют словарную статью на прилагательное **соумѣти**, **соумѣни**, правда дано указание "forma **соумѣ** vel **соумѣти** in nonnullis exemplis etiam ut adverbium explicari potest" (т. IV, с. 199), в Старославянском словаре 1994 г. (совершенно справедливо) на эти лексемы даны отдельные словарные статьи, где они квалифицированы как наречия (с. 634). Подобных примеров можно привести множество.

Словарная фиксация всех старославянских наречий важна не только для самой палеославянской лексикографии – эти данные необходимы для многих исследований, особенно по истории славянских языков. На наш взгляд, все формы, имеющие в старославянских текстах наречное значение, должны быть учтены и представлены в словарях в самостоятельных словарных статьях. Представляется, что этого принципа следует придерживаться также при составлении словарей и словарей-индексов к любым древним славянским текстам.

БОЛГАРСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ. СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Доклад представляет проект Исторического словаря болгарского языка и таким образом является своеобразным продолжением доклада, вынесенного мною (совместно с проф. И. Добревым) на X Международном съезде славистов в Софии, в котором был представлен состав созданной нами лексической картотеки и были намечены перспективы ее будущего использования. Составление Исторического словаря болгарского языка – только одна из них, но, по-моему, самая важная как для истории болгарского языка, так и для истории всех славянских языков – ввиду того, что древнеболгарский является первым литературным и письменным славянским языком. В докладе будет рассмотрено не только значение создания Исторического словаря для славянской лексикографии, лексикологии и этимологии, но и сама структура словаря и словарных статей. Ставится на обсуждение и вопрос о том лексикографическом аппарате, который нужно будет использовать в словарях подобного типа. В связи с этим речь пойдет и о путях становления в ходе исторического развития лексического состава отдельных славянских языков, о явлениях полисемии, распада этимологического гнезда, омонимии и заимствования слов из других языков и их адекватной лексикографической передаче.

*В. Н. Телия, Н. Г. Брагина,
Е. О. Опарина, И. И. Сандомирская (Москва)*

СЛОВАРЬ УСТОЙЧИВЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ
РУССКОГО ЯЗЫКА.

МИР ЧЕЛОВЕКА: ИДЕИ, ЧУВСТВА,
СВОЙСТВА ЛИЧНОСТИ, МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ И КУЛЬТУРНЫЕ КОНСТРУКТЫ

Задача словаря – лексикографическая презентация корпуса устойчивых словосочетаний русского языка и их интерпретация с точки зрения культурного компонента значения.

Объектом описания в словаре являются устойчивые словосочетания, образуемые именами абстрактной семантики (**истина, совесть, душа, жизнь, смерть, тоска** и пр.). Такие культурные концепты имеют референт с широкими культурными коннотациями. Они образуют как переосмысленные, так и непереосмысленные устойчивые словосочетания, активно участвуя в процессах языкового картирования мира и складываясь в общую языковую картину.

Новизна данного проекта заключается в попытке показать соотношение между связанным значением и культурной коннотацией. В словаре предполагается отдельная зона культурного комментария, которая призвана эксплицировать и исчислить культурные коннотации и, шире, отразить культурную информацию, воплощенную (а) в тропических словосочетаниях (например, в метафорических сочетаниях **тоска набросилась, гложет, сосет** и пр.); (б) в словосочетаниях-цитациях, где важную роль играет фактор интертекстуальности (**тоска по родине, чувство законной гордости** и т. д.).

Наш опыт составления словарной статьи показывает, что “культурное содержание” устойчивого словосочетания необходимо локализовать в нескольких словарных зонах. Ниже приводятся типы культурной информации, содержащейся в устойчивом словосочетании, и те “выходы”, с которых такую информацию можно считать.

1. *Культурно-специфические модусы концептуализации не-предметной реальности (языковое картирование мира).*

Данные о языковом картировании мира можно почерпнуть из зоны словарной статьи под условным названием <usage>, в которой приводятся непереосмысленные устойчивые словосочетания. Например, сочетания **смерть на костре**, **смерть на кресте**, **смерть на эшафоте/на плахе**, **смерть на поле боя/за Родину** указывают на культурный код "высокой жертвы" и косвенно исчисляют мотивы почетной смерти (соответственно: за идею, за веру, за власть или справедливость, за родину).

2. *Когнитивная структура события.*

Речь идет о способе организации "оттенков" значения преимущественно глагольных функций. Так, например, ситуация "смерть" обнаруживает следующие релевантные элементы структуры события: 'возможность наступления событий, связанных с опасностью для жизни' (**находиться на волосок от смерти**, **смотреть смерти в лицо/в глаза**), 'преодоление критической ситуации, спасение' (**вырваться из зубов/когтей/лап смерти**), 'смертельный исход' (**умереть своей/не своей смертью**).

3. *Культурно-специфические основания, мотивирующие оценочные значения.*

Культурные данные этого рода главным образом содержатся в зоне словарной статьи, соответствующей значению качественной оценки. Так, наряду с оценочно-нейтральным словосочетанием **быстрая смерть** указываются положительно окрашенное (для светской культуры) словосочетание **легкая смерть** (= 'хорошая', потому что быстрая и без мучений) и отрицательно окрашенное **смерть без покаяния** (ср. также **собачья смерть** и устар. **наглая смерть** = 'плохая', потому что внезапная, без соборования).

4. *Культурно-специфические маркеры коллективных речевых стратегий.*

Культурные данные этого типа распадаются на следующие группы:

(а) Стереотипы дискурса. Понимаются как такие словосочетания, которые оказались вовлеченными и регулярно воспроизводимыми в определенного типа дискурсах, например, в религиозном – **сатанинская гордость**, **праведный гнев**, в литературном – **романтическая любовь**, **элегическая грусть**, в официально-идеологическом – **чувство законной гордости** и т. д. Данные словосочетания являются устойчивыми, относятся к узусу и могут служить кодом, включающим текст в определенный дискурс. Они воплощают в себе

коллективное лингво-культурное сознание и противопоставлены индивидуальным сочетаниям, характеризующимся как свободные. В зоне культурного комментария отмечается степень вовлеченности концепта в разные типы дискурсов.

(б) Риторика социальных институтов. Отмечаются институционально закрепленные коды, например, **смерть вырвала из наших рядов (кого)** (код официального соболезнования), **выполнять интернациональный долг (в Афганистане)** (код советского милитаризма) и пр.

(в) “Голос здравого смысла”. Выявление риторического приема в обыденной речи. Приводятся речевые формулы, речения, штампы и раскрываются стоящие за ними речевые акты (например, **какими судьбами удивление при неожиданной встрече, не гневи судьбу** ‘укор за необоснованные жалобы’ и пр.)

5. Культурные объекты и символы.

Делается попытка исчисления фиктивных “вещей”, созданных мифологическим сознанием и закрепившихся в языке (**печать/смерть (на челе), чаша жизни, нить судьбы** и пр.). Информация о них содержится преимущественно в зоне словаря, соответствующей функциям *<manif>* и *<instr>*. Выявляются элементы архетипа, закрепленные в языковом сознании носителей. Так, сочетания, образуемые именами чувств, обнаруживают связь с архетипом моря, чужих богов, имеют выраженное хтоническое начало, т.е. проявляют связь внутренней эмоциональной жизни человека с отраженным в мифологическом сознании внешним миром. В языковой метафоре образ изначально семиотичен, так как он способен реализовать архетип. В зоне культурного комментария предполагается отразить и эту связь.

6. Указание на контекст категорий культуры.

В качестве такого контекста рассматриваются социальные категории культуры, а также пословицы, поговорки, ритуалы повседневности, телесные тексты, жесты и прочие невербальные коды.¹

¹ Работа выполняется при финансовой поддержке Программы по поддержке научных исследований Института Открытого общества.

РОССИЙСКИЙ ОНОМАСТИКОН: ЗАМЫСЕЛ И ПОДХОДЫ К ЕГО ИСПОЛНЕНИЮ

Глубокому и тонкому исследователю В. Э. Сталтмане принадлежит безошибочное предсказание, “что развитие языков и языкознания, а также запросы пользователей вызовут к жизни новые типы словарей, а структура “старых” будет меняться и совершенствоваться” [1, с. 5]. Традиционная специализация ономастических лексиконов по разрядам собственных имен (словари антропонимов, гидронимов, микропонимов и т. д.) уже не вполне удовлетворяет современным требованиям ономастики, поскольку при этом остается иллюзорным такое центральное понятие, как онимическое пространство, что, в свою очередь, тягостно сказывается на состоянии этимологии¹, морфологии, орфографии, акцентуации собственных имен и т. д. Отсюда возникла потребность в новом типе словаря – *ономастиконе*, т. е. лексикографическом своде проприальных имен разных разрядов, как в широком смысле (страны, региона, области и т. п.), так и в более узком – онимы отдельной деревни, церковного прихода, волости, сельсовета и т. п.² Частные ономастические словари содержат материал онимических полей, например, *антропонимикон, словарь антропонимов, антропонимный словарь; словарь фамилий; словарь личных имен; словарь прозвищ* (соответственно – *топонимикон, словарь топонимов* и т. д.). При этом следовало бы устрожить дефиницию термина *словарь*, понимая под ним лексикографическое произведение с

¹ Ср., например, крайнее последствие искусственного разрыва в одном из звеньев онимического поля: белорусский гидроним *Піна* – ойконим *Папіна*, который возводится автором к основе “поп – служитель культа” и потому транскрибируется по-русски как *Попіно* [2], хотя деревня находится на берегу Пины, ее название склоняется как существительное ж. р. и предполагает использование суффикса *-ов*, а не *-ин*.

² Ср. принятую в ономастической литературе иную трактовку термина *ономастикон*, подразумевающую любой проприальный словарь, но чаще – антропонимный [3].

пометами о числе, склонении, с указанием ударения и вариантами онима и т. п. Работы, не включающие такие элементы языкового описания онима как собственно слова, на наш взгляд, относятся к жанрам списков (индексов, реестров) или справочников. Ни частные ономастические словари, ни списки и справочники не упраздняются, конечно, с появлением "Ономастикона": о высокой общественной и научной потребности в них свидетельствуют многочисленные публикации неспециалистов (учителей, краеведов и мн. др.), не дождавшихся трудов специалистов-ономастов. "Ономастикон" не только вберет в себя материалы частных словарей проприальной лексики, но и стимулирует появление новых, поскольку, как известно, для представления о том или ином онимическом пространстве остро не хватает лексикографии зоо-, мифо-, астрономии и мн. др. Необходимо подчеркнуть большую культурную значимость описываемого проекта.

Замысел "Российского ономастикона", как видим, в первую очередь связан с интересами языкознания, однако закодированная в онимических пластах лексики экстралингвистическая, в том числе культурная, информация обогатит наши фоновые знания, связанные с историей, географией, краеведением, с той или иной конкретной местностью. Именно этим ценна работа ономастов для научного и культурно-просветительского общества "Энциклопедия российских деревень" (ЭРД), которое взяло на себя организационную работу по созданию "Российского ономастикона". Региональные отделения общества, а также отдельные собиратели и исследователи из ряда городов и деревень, включая "ближнее зарубежье", стали нашими "сообщниками". Один из старых ономастических центров, алтайский, под руководством И. А. Воробьевой (Барнаул) приступает к подготовке первого выпуска своих полевых материалов для ЭРД. Новая полевая работа ведется по вопроснику [4], включающему шесть основных полей онимического пространства деревень – топонимию, антропонию, названия хозяйств, народную астрономию, хрононимию, зоонию и некоторые онимические апеллятивы и дериваты.

Исследовательские, историко-документальные и полевые материалы публикуются в сборниках ежегодных конференций (1990–1994 гг.), на которых в числе других обсуждаются вопросы, непосредственно связанные с методикой сбора онимов, объемом будущего ономастикона и отбором материала для него, с общей и по-статейной структурой словаря и т. п. Идея "Ономастикона" объединяет единомышленников, поэтому расхождения во взглядах

сводятся, в основном, к противоречию между максималистскими установками, заложенными в вопроснике, и трезвыми опасениями лексикологов-практиков перегрузить словарный текст: всего не соберешь и всего не поместишь в статьях. По-видимому, это практическое соображение поколебало Н. Г. Гордееву в ее прежней уверенности, что "все ономастические группы во всем изобилии их вариантов должны найти отражение в "Энциклопедии российских деревень" [5, с. 239], и, по нынешнему мнению исследовательницы, для того же издания "объектом лексикографирования... должны стать те классы онимов, между которыми существуют разнообразные системные отношения: это *ойкснимы*, *микротопонимы*, наименования жителей (*катойконимы*) и *антропонимы*" [6, с. 106]. Однако перечисленное составляет лишь два поля онимического пространства деревни из шести предусмотренных вопросником, — топонимию и связанную с ней антропонимию, поэтому не случайно, что другие ономасты, включающие в свои словари аналогичный материал, относят их к типу топонимических (микротопонимических), а не энциклопедических. Ср., например, набор "блоков" для словарной статьи, детально разработанный В. П. Тимофеевым для реестрового³ топонимического словаря [7, с. 48, пункт 5], и тот же набор в несколько ином порядке, предложенный для ономастической энциклопедии в рубрике "Структура и содержание словарной статьи" [6, с. 107–110].

Большинство частных ономастических словарей решает две четко сформулированные одним из опытных исследователей, В. П. Тимофеевым, лингвистические задачи — выяснить этимологию топонима и принципы нарицательной и собственной номинации [7 с. 47, пункт 2], что объясняет, почему многие словари современной топонимии выходят без грамматических помет и ударений. Языковедческие задачи ономастикона иные. Они связаны, в первую очередь, со сбором материала для изучения внутренних свойств онимического пространства российских деревень, что позволит, наконец, определить и картографировать онимические ареалы, раскрыть их фонетическое⁴, лексическое словообразо-

³ В иной терминологии *реестровый* словарь именуется *регистрирующим*, а также *фиксирующим* [1, с. 5, с. 29 и др.].

⁴ Известно, что фонетические явления в собственных и нарицательных именах не всегда идентичны, а тип акцентуации онимов имеет выраженные ареалы [8, с. 39–60], поэтому, например, оппозиция *Иванѡв* : *Иванѡв* связана не только с

вательное своеобразие. Отсюда требования вопросника об обязательности информации, касающейся местного произношения онима, ударения, форм склонения, разных типов вариантов. Все остальные задачи "Ономастикона", включая этимологию, разнообразную экстралингвистическую информацию, закодированную в каждом ониме, – задачи попутные и нередко для большинства имен саморазрешающиеся, поскольку к изучению свойств онимического пространства относится также изучение его внутренних и внешних связей. Поэтому, в отличие от частного ономастического словаря, "Ономастикон" не может ограничиться двумя полями онимического пространства: специфически деревенские связи онимов шире бинарного отношения топоним <--> антропоним. Ср., например, связь агнионима **Св. Егорий** с антропонимами **Егорий/Егор --> Егоров, Егорыч** и т. п., с названиями **Егорьевской церкви** (официально – **Георгиевская**) и прихода **Егорье**, он же **Егорщина** [5, с. 151], со "скотым" весенним праздником **Егорьев день**, с зоонимом **Егор**⁵.

Помимо предложения при отборе материала для ономастикона отказаться от других разрядов собственных имен, кроме топонимов и антропонимов, на обсуждение представлены и более частные ограничения. Одно из них относится к топонимии: Н. Г. Гордеева и М. В. Малых полагают, что искусственные названия типа **Поселок 25 км, Казарма 13 км** нецелесообразно включать в ономастикон, "ибо они не содержат ценной лингвистической или иной информации" [9]. С этой точкой зрения трудно согласиться: унылый топонимный канцелярит однозначно информирует о том, что определенные лица, которым по положению дано право присваивать названия, утратили чувство родного языка. Что же касается лингвистической стороны, то прежде всего возникает ономасиологический вопрос, который разными исследователями решается по-разному: топонимы ли это вообще?⁶ Кроме того, апеллятивы, используемые

фамильными традициями, как принято считать [1, с. 64], но и с акцентной ареальностью онимов, ставшей основанием для такой традиции.

⁵ Из воспоминаний о временах коллективизации: бык, родившийся в день Св. Егория и заживо сгоревший при умышленном поджоге скотного двора (с. Верхнее Никулкино, Некоузский р-н Ярославской обл., запись 1992 г., З. Р.).

⁶ На заседании топонимической комиссии Московского филиала Географического общества России 31.1.1995 г. Г. И. Донидзе и Е. М. Поспелов высказали мнение о том, что сочетания типа **поселок подсобного хозяйства МК КПСС** [10, с. 101] не топонимы, а названия производства, поскольку пишутся со строчной буквы и имеют форму род. п. Однако, на ваш взгляд, здесь обычный метонимический

при искусственной номинации, обычно семантически маркированы и тем самым информируют об относительном времени возникновения топонима. И, наконец, нет более интересного "полигона" для изучения приспособительной языковой деятельности, чем искусственное имятворчество наших чиновников, поскольку оно дает возможность изучать типологию ввода в систему внесистемных названий, например, таких, как **поселок Центральной усадьбы совхоза "40 лет Октября"** [10, с. 110], который местные жители называют то Центром, то Совхозом, а самих себя — **сорокалётскими** (анкеты З. Р., 1995 г.).

Ограничения материала, вводимого в "Ономастикон", касаются и антропонимии. Н. Г. Гордеева справедливо полагает невозможным "представить в одной словарной статье *все* личные имена с указанием *всех* их производных форм" [6, с. 106], хотя отказ даже от части из них противоречит интересам науки: "Регистрация в словарях всех возможных неофициальных форм антропонимов чрезвычайно важна для типологического изучения ономастики вообще и для ее словообразовательного уровня в частности, поскольку то, что в одном языке функционирует в наддиалектных сферах речи, в другом (особенно в кругу родственных языков) может встречаться в более низких сферах общения"⁷ [1, с. 62]. Может быть, выбор между необходимым и возможным удастся сделать в пользу первого с помощью ЭВМ.

По поводу способа подачи материала в "Ономастиконе" сложилось общее мнение, что наиболее емко и потому приемлем алфавитно-гнездовой. Опубликованные в сборниках тезисов материалы (Е. С. Отина, А. В. Громова, И. П. Кокаревой и др.), а также размышления о структуре словарных статей В. П. Тимофеева и Н. Г. Гордеевой показывают, что статьи строятся по принципу "нанизывания" омонимических блоков, и это делает их структуру открытой для более полного описания онимического

переход, подобный тому, как полотняный завод дал имя поселку **Полотняный Завод** [11, с. 221, с. 467]. Что касается орфографии наших официальных справочников, то она добротным аргументом не является, поскольку в том же источнике [10] аналогичные по семантике и структуре названия пишутся как со строчной, так и с заглавной буквы. Ср. также пос. **Дачно-строительного кооператива "Мичуринец"** в орфографии, принятой более высокой инстанцией, чем ЦСУ [11, с. 282, с. 438]. Употребление же имени в косвенном падеже, включая родительный, само по себе не определяет правописания.

⁷ Ср. литературное (наддиалектное) отчество **Ильинична** и диалектное **Ваньевна**, записанное в метрике ереванской школьницы из местной русской семьи и отставаемое ею как норма (информант И. Ю. Петросян, 1992).

пространства той или иной деревни. Порядок следования этих блоков у разных авторов незначительно варьирует, но едва ли целесообразно вводить их жесткую последовательность: для сравнительных исследовательских штудий в конце каждого тома будет алфавитный указатель. Более принципиален вопрос о выборе заглавного слова статьи. В пробных статьях И. П. Кокаревой в этой роли выступает местная форма топонима, а официальная следует за ней как начало самой статьи [7, с. 72], в работе Е. С. Отина — обратный порядок [6, с. 145, пункт 4]. В. П. Тимофеев считает, что “номинативным каркасом... микро-топонимического словаря могут служить справочники административно-территориального деления” [7, с. 48]. Того же мнения придерживается Н. Г. Гордеева [6, с. 107]. Но известно, что многие официальные справочники, содержащие географические названия, с лингвистической точки зрения не выдерживают критики [12; 8, с. 59–67; см. также примечание 6 выше]. Кроме того, поставленные “Ономастикомом” задачи выдвигают на первое место именно местную, нередко диалектную, форму названия и ее варианты, главным из которых следует признать тот, который принят большинством современных жителей конкретного населенного пункта. Зарубежная лексикографическая практика подтверждает подачу заглавного слова, как, впрочем, и других онимов внутри статьи, в диалектной форме [1, с. 83].

Истина, как водится, посередине: крайние позиции, касающиеся инициальной части статьи, примиряет Э. Д. Головина, предложившая “при кодификации... учитывать и соответствующим образом корректировать диалектные нелексистализованные фонетические наслоения: **Вотская** (не **Вочка**), **Селёвская** (не **Селёвска**)” и т. п. [5, с. 238]. Эта кодифицированная форма может совпадать или не совпадать с официальной, и обе могут с соответствующими пометами занимать свое место после местных вариантов онима, расположенных в порядке частотности. В этом случае лингвистическое описание онима избежит фрагментарности.

Наши поиски оптимального решения всех вопросов, касающихся ономастикона, продолжаются.

Литература

1. Сталтмане В. Э. Ономастическая лексикография. М., 1989.
2. Жучкевич В. А. Краткий топонимический словарь Белорусии. Мясск, 1974,

с. 303.

3. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1988, с. 98.

4. Рубцова З. В. Географические, личные и другие имена в российских селах (вопросник). М., 1991.

5. Методика в опыт изучения сельских поселений Нечерноземья. М., 1991.

6. Материалы изучения сельских поселений России. Доклады и сообщения третьей научно-практической конференции "Центральночерноземная деревня: история и современность". Воронеж, декабрь 1994 г. Часть 1. Язык. Культура. М., 1994.

7. Деревня центральной России: История и современность. Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции. Калуга, декабрь 1993 г. М., 1993.

8. Рубцова З. В. Варьирование и норма в белорусской и русской топонимии. М., 1993.

9. ЦСУ – Сельские населенные пункты Московской области. (По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). Том 2. Алфавитный список сельских населенных пунктов. М., 1991.

10. РСФСР АТД – РСФСР. Административно-территориальное деление. М., 1986.

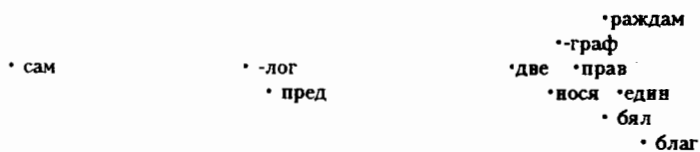
11. Центральночерноземная деревня: История и современность. Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции. Белгород, 13-14 ноября 1992 г. М., 1992, с. 123.

12. Глиевских Г. В. Лингвистические критерии при уточнении названий населенных пунктов // Вопросы ономастики: Собственные имена в системе языка. Свердловск, 1980, с. 14–28.

Д. Райнова (София)

МОТИВАЦИОННИ ВЪЗЛИ НА СЪВРЕМЕННИЯ БЪЛГАРСКИ КНИЖОВЕН ЕЗИК

При системното изследване на мотивационните отношения се установява най-важната лексикална системообразуваща координатата, която характеризира езика. Това е ограниченият брой мотивационни възли (гнезда), който в съвременния период от развитието на човечеството се колебае в интервала 12000–13500. В работата този интервал се нарича област на лексикалната статика и се определя числото, характеризиращо лексикалната статика на съвременния български книжовен език. То е равно на броя на думите-мотиватори. На фиг. 1 е показана високочестотната област на ранговата им подредба според броя на производните, мотивирани към основните значения на думата-мотиватор. Броят на производните от всеки мотиватор е показан на фиг. 2. Лексемите в състава на отделния мотивационен възел се обединяват не само въз основа на епидигматичната си (асоциативна) общност, но и по своята формална общност – отнесеността си към определен позиционен маркер – *пирема*. *Пиремата* се приема за връх на мотивационния граф при разработката на система за машинно разпознаване на думите с една и съща въгрешнолингвистична мотивация.

350 300 250
 Фиг. 1. Високочестотната област на ранговата потребда
 на думите-мотиватори според броя на производните

- жътва
 - другар
 - земя
 - сяла
 - бяг
 - теле-
 - пек • мигам
 - град • реч
 - против • плавам
 - говоря • стар
 - действие
 - вид • добър • копая
 - пускам • държа • форма
 - равно • масло • върху
 - все • ров • война • цена
 - вода • бой • година • цепя
 - режа • седя • виждам • кова
 - много • работа • пет • образ
 - меня • бог • казвам • душа
 - тегля • пълня • тъпча • общ
 - малък • вия • давам • крепя
 - мир • лея • слово • тресе • крикам
 - зрение • висок • мил • скачам
 - лягам • строя • нов • сладък
 - десет • стоя • глава • пара
 - радио • растеж • лице • деля
 - пия • суша • лепя • чер • купувам
 - падам • зная • местя • съдя
 - стъпвам • пляскам • път
 - варя • цвят • кръст • дом
 - глас • ръка • вея • въдя
 - връзка • дев • населявам
 - мисля • след • творя
 - болест • сека • смесвам
 - vleka • смях • чистя
 - плета • сол
 - служба • кривя
 - четири • време
 - кръв
 - ум
 - храна
 - летя
 - ясно
 - слушам
 - здрав
- ям
 - меря • гледам
 - тече • пиша
 - ходя • вяра
 - любов • половин
 - горя • светло
 - жив • зло
 - вода • ред
 - три
- уча

	71	104	ден	105	131	варя
	72	104	лепя	106	133	режа
	73	104	масло	107	133	стъпвам
	74	104	плясък	108	135	много
	75	105	добър	109	135	падам
	76	105	мил	110	137	меня
	77	106	глава	111	137	пия
	78	106	ръка	112	138	тегля
	79	107	ров	113	139	радио
	80	108	бой	114	140	мальк
	81	108	зная	115	142	лягам
	82	108	работа	116	143	десет
	83	110	слово	117	143	мир
	84	112	цвят	118	148	зрение
	85	114	седя	119	157	уча
	86	116	бог	120	165	ям
	87	117	пълня	121	168	три
	88	118	вия	122	170	гледам
	89	119	растеж	123	170	ред
	90	120	влека	124	173	пиша
	91	121	вид	125	174	зло
	92	122	болест	126	177	вяра
	93	122	пускам	127	180	половин
	94	122	строя	128	184	светло
	95	122	суша	129	192	меря
	96	124	мисля	130	195	вода
	97	125	равно	131	195	тече
	98	125	стоя	132	200	жив
	99	127	висок	133	202	ходя
	100	128	връзка	134	208	горя
	101	128	все	135	209	любов
Запись	#	NIC	VIN	136	239	раждам
	101	128	все	137	243	благ
	102	129	глас	138	250	един
	103	130	вода	139	252	-граф
	104	130	ляя	140	253	бял

Фиг. 2. Брой на производните от всеки мотиватор
(продължение)

141	254	прав	144	315	пред
142	267	нося	145	319	-лог
143	271	две	146	361	сам

**Фиг. 2. Брой на производните от всеки мотиватор
(продължение)**

Содержание

I. Развитие славянской лексикографии: историко-культурные аспекты.

Найден Геров и славянская лексикография

<i>Г. К. Венедиктов (Москва)</i> . О Найдене Герове и его "Словаре болгарского языка".....	5
<i>П. Е. Гриценко (Киев)</i> . Словарь Н. Герова как явление культуры.....	10
<i>А. А. Плотникова (Москва)</i> . Славянская лексикографическая традиция и словарь Н. Герова.....	14
<i>Ю. Балтова (София)</i> . Българската възрожденска лексикография и нейното значение при изграждане на книжовната лексикална система.....	18
<i>В. Кювлиева-Мишайкова (София)</i> . Етапи в развитието на българското речниково дело през Възраждането.....	20
<i>Б. Вълчев (София)</i> . "Речник на българский язык" (1895-1904) от Найден Геров и "Српски рјечник" (1818) от Вук Караджич...	23
<i>Е. Пернишка (София)</i> . "Речникът на българския язык" в развитието на българската семасиология и граматика.....	25
<i>В. Малджиева (София)</i> . Грамматическая информация о неизменяемых частях речи в словаре Найдена Герова.....	28
<i>М. Божилова (София)</i> . Геровската традиция в българската лексикография на XX век.....	29
<i>Р. М. Цейтлин (Москва)</i> . "Речник на църковнославянски язык" архимандрита д-ра Атанасия Бончева (София, 1952).....	33
<i>В. Бланар (Братислава)</i> . Словацкая лексика в възрожденческой лексикографии.....	36
<i>Л. Н. Смирнов (Москва)</i> . Место и роль "Словаря" Антона Бернолака в истории словацкой лексикографии.....	40
<i>В. П. Гудков (Москва)</i> . Актуальность лексикографического опыта Радована Кошутича.....	43
<i>Г. Г. Тяпко (Москва)</i> . Особенности структуры пуристических неологизмов в словаре В. Михайловича "Пуризмы от Орфелина до Вука".....	46
<i>В. В. Усачева (Москва)</i> . Вклад Я. Ф. Головацкого в украинскую лексикографию.....	50

II. Диалог культур в словарях разных типов

<i>К. Б. Станева (София)</i> . Словесният образ на българската менталност в "Речника" на Найден Геров.....	53
<i>И. И. Макеева (Москва)</i> . Особенности лексического состава древнерусской переводной литературы.....	54
<i>В. Г. Гак (Москва)</i> . Социокультурный аспект двуязычных словарей.....	56
<i>Х. Пантелеева (София)</i> . Френско-българският речник на д-р <u>Иван Богоров</u> от 1869 год. – опит за обогатяване на българския книжовен език и за приобщаване към френската култура.....	59
<i>Е. Э. Бабаева (Москва)</i> . "Стали мы вдруг народ уже новый..." (О славяно-французском лексиконе А. Кантемира).....	61
<i>Г. П. Клепикова (Москва)</i> . Особенности отражения "диалога культур" в специальном полидиалектном словаре карпатской зоны.....	65
<i>А. Ф. Журавлев (Москва)</i> . Скрытые межкультурные конфликты в диалектной лексикографии.....	69
<i>А. И. Солопов (Москва)</i> . Особенности формирования эстетических представлений в латинском языке (Греко-латинские языковые и культурные контакты).....	72
<i>И. А. Сedaкова (Москва)</i> . Диалектная лексикография и изучение народных древностей в Англии в XIX веке.....	75

III. О новых лексикографических проектах.

Специализированный словарь культуры: поиски жанра

<i>З. Барболова (София)</i> . Проблеми за съставяне на специализиран речник на културата.....	78
<i>В. М. Мокиенко (С.-Петербург)</i> . Культурологическe коментари в историко-этимологическом словаре фразеологии.....	81
<i>С. М. Толстая (Москва)</i> . Дефиниция в этнолингвистическом словаре.....	84
<i>Л. Н. Виноградова (Москва)</i> . Словарная форма изучения славянских демонологических поверий.....	86
<i>О. В. Белова (Москва)</i> . Лексика и символика в словаре названий животных (по материалам памятников восточно- и южнославянской книжности XIII – XVII вв.).....	90
<i>С. Е. Никитина (Москва)</i> . Словари языка фольклора: варианты описания слова.....	94

<i>А. Т. Хроленко (Курск)</i> . Структура статьи в словаре языка русского фольклора.....	96
<i>Е. И. Демина (Москва)</i> . О филологической сверхзадаче словаря-тезауруса к памятнику новоболгарской письменности XVII столетия.....	99
<i>В. С. Ефимова (Москва)</i> . Об описании наречий как самостоятельных лексических единиц в старославянских словарях.....	102
<i>А.-М. Тотоманова (София)</i> . Болгарский исторический словарь. Состояние и перспективы.....	105
<i>В. Н. Телия, Н. Г. Брагина, Е. О. Опарина, И. И. Сандомирская (Москва)</i> . Словарь устойчивых словосочетаний русского языка. Мир человека: идеи, чувства, свойства личности, межличностные отношения и культурные конструкты.....	106
<i>З. В. Рубцова (Москва)</i> . Российский ономастикон: замысел и подходы к его исполнению.....	109
<i>Д. Райнова (София)</i> . Мотивационни възли на съвременния български книжовен език.....	116

СЛОВАРЬ И КУЛЬТУРА
К столетию с начала публикации
«Словаря болгарского языка» Н. Герова

*Материалы международной научной конференции
(Москва, ноябрь 1995 г.)*

ЛР № 020935 от 9 ноября 1994 г.

Подписано в печать 5.X.1995 г. Усл. печ. л. 8. Тираж 200 экз.

Заказ № 314. Цена договорная.

Типография ИПТК «Логос» ВОС.
